

- [Книга Иудифь](#)
 - [О КНИГЕ ИУДИФЬ](#)
 - [КНИГА ИУДИФЬ](#)
 - [Глава I](#)
 - [Глава II](#)
 - [Глава III](#)
 - [Глава IV](#)
 - [Глава V](#)
 - [Глава VI](#)
 - [Глава VII](#)
 - [Глава VIII](#)
 - [Глава IX](#)
 - [Глава X](#)
 - [Глава XI](#)
 - [Глава XII](#)
 - [Глава XIII](#)
 - [Глава XIV](#)
 - [Глава XV](#)
 - [Глава XVI](#)
 - [Примечания](#)

**Толковая Библия
или комментарий на все книги
Священного Писания
Ветхого и Нового Заветов
А. П. Лопухина.**

Книга Иудифь

О КНИГЕ ИУДИФЬ

Наименование свое книга «Иудифь» носит от главной героини своего повествования — прекрасной и благочестивой израильтянки *Иудифи*, прославившейся спасением своего отечества от *Олоферна*, посланного *Навуходоносором*, царем ассирийским для опустошения и покорения Иудеи.

Подлинность книги и историческая достоверность послужили предметом немалых споров в науке, благодаря значительному количеству исторических, археологических, географических и другого рода важных ошибок, допускаемых в книге. Несмотря на это, книга Иудифь с самых давних пор пользовалась величайшим уважением, доходившим до усвоения ей канонического достоинства. Такое достоинство усвоит ей блаж. Иероним, ссылаясь на собор Никейский, хотя между правилами этого собора не находится ни одного, которое бы рассуждало об этой книге, и сам Иероним нигде не приводит такого правила. Блаж. Августин и вся африканская Церковь так же признавали эту книгу каноническою. Вообще же в последующее время в Церкви более утвердилось признание *неканонического* достоинства этой книги.

Писатель книги точно неизвестен, хотя некоторыми исследователями называется по имени. Так, по мнению блаж. Иеронима, книгу написала сама Иудифь; по другим — автором книги был первосвященник Елиаким; третьи приписывают ее Ахиору Аммонитянину, упоминаемому в книге, или Иисусу, сыну Иоседекову, сотоварищу Зоровавеля при возвращении из плена вавилонского, и т. д. Из различных текстов книги наиболее известны: греческий LXX, древние переводы — сирский и латинский, известный под именем италийского (*Vetus Latinus*) и Иеронимовский в Вульгате, сделанный им с утраченного ныне халдейского текста. Первоначальный текст книги был, по мнению авторитетов, еврейский.

Время написания книги определяется исследователями лишь приблизительно и двояко — в зависимости от того, как для кого разрешается недоумение, вызываемое важнейшей исторической обмолвкой книги, дающей такое или иное освещение всему ходу ее повествования: т. е. или после возвращения из вавилонского плена (Иуд [IV:3](#)), и, в таком случае, должно быть вычеркнуто из повести или исправлено имя *Навуходоносора*, да еще называемого царем *ассирийским*, или же — если признавать ненарушаемую силу и правдоподобность последнего, возможно тогда отнести написание книги к *допленному* времени, и признать в этом случае неуместными указания повествования на позднейшее слеппленное время, как вышеприведенное место Иудифи, [IV:3](#) ст. Какое из этих мнений имеет за себя наиболее веские доводы и должно быть предпочтено, сказать нелегко, как невозможно указать и такого царя, который бы удовлетворял всем до крайности запутанным подробностям изложения дела автором книги.

Более точно время написания книги многие исследователи относят ко временам Маккавейским, а дальнейшую обработку даже и еще позднее — ко временам первохристианским. Отсюда понятно, почему известность Иудифи в письменных памятниках древности начинается довольно поздно. Филон, Иосиф Флавий и вообще писатели ветхозаветного времени ничего не говорят об этой книге. Первое упоминание о книге принадлежит лишь св. Клименту Римскому (в 1 посл. к Кор. гл. LV). Последующие отцы и учителя Церкви — Климент Александрийский, Ориген, Тертуллиан, Амвросий, блаж.

Августин и другие хотя пользуются книгой Иудифи для целей назидания, но не сообщают никаких известий или преданий об ее происхождении.

Что же касается самого происшествия, составляющего содержание книги, то одни видели в нем простую метафору — изображение победы благочестия иудейства над нечестием языческого многобожия. Другие считали историю Иудифи благочестивой *поэмой*, представляющей смесь действительности и вымысла и написанной с целью подействовать на религиозно-патриотические чувства иудеев. Наконец, третьи соглашались признать и действительную историчность всего происшествия — однако — не иначе, как под условием изменения в повествовании всех ошибочных имен и неточностей и относя событие ко временам владычества царей сирийских (эпоха Маккавеев).

Вся совокупность и подробности рассказа во всяком случае носят неустранимый отпечаток действительной историчности происшествия, независимо от отдельных неточностей описания. Рассказ сообщает немало драгоценных сведений по истории, географии, хронологии, дает обстоятельную родословную Иудифи, упоминает о празднике, установленном в память победы этой героини; наконец, древние иудейские молитвы в первую и вторую субботы праздника Освящения, представляющие сокращенное изложение сущности книги Иудифь, также показывают, что евреи верили в действительность фактов, в ней переданных, так как не могли же они благодарить Бога за вымышленное освобождение. К этому надлежит еще прибавить существование нескольких древних *мидрашим*, независимо от книги Иудифь рассказывающих о тех же событиях. Всеобщее предание искони допускало строго исторический характер книги, и никто до Лютера не сомневался в этом. И доньше — все возражения, приводимые против истинности фактов книги Иудифь, должны быть отнесены к числу малоубедительных и маловажных [1]. Что касается, наконец, собственно царя (называемого ассирийским Навуходоносором), ко времени которого должно быть отнесено с наибольшей вероятностью описываемое событие, то все попытки указать точнее в истории такого царя, наиболее вероятного и соответствующего всем подробностям изложения дела кн. Иудифь, обречены на безнадежную сомнительность и неразрешимую необоснованность. И недаром — не осталось, кажется, ни одного царя — ни до, ни после плена, — которого бы не считали за наиболее тождественное лицо с Навуходоносором — при одинаковой совершенно и правдоподобности и малоосновательности — в одно и тоже время: мы не излагаем здесь отдельных мнений и доводов в пользу их и не вступаем в бесплодную полемику, предпочитая удерживаться в точных указаниях Библии и позволяя каждому приспособляться к ним своими собственными воззрениями.

1–12. Ассирийский царь Навуходоносор объявляет войну мидийскому — Арфаксаду, с союзными ему народами. 13–16. Поражение Арфаксада и смерть. Разрушение его столицы (Екбатан). Торжество Навуходоносора.

1. В двенадцатый год царствования Навуходоносора, царствовавшего над Ассириянами в великом городе Ниневии, — во дни Арфаксада, который царствовал над Мидянами в Екбатанах

1. Начало 1-го стиха имеет свое прямое продолжение в 5-м стихе, вставка же об Арфаксаде (со второй половины 1-го стиха по 4-й включительно) — есть как бы вводное предложение, знакомящее точнее с некоторыми побочными обстоятельствами и временем повествуемого события.

Вместо «12-го» года Сирийский текст имеет 13-й.

Навуходоносор, царь Ниневии, есть — быть может — Ассурбанипал (667–647). Правда, ни один из ассирийских царей не носил имени Навуходоносора (значение имени: «да покровительствует короне Небо!»), потому что бог Небо почитался лишь в Вавилонии. Однако, так как Ассурбанипал царствовал над обеими странами, Ассирией и Вавилонией, естественно было бы, если б он, в качестве вавилонского царя, принял и имя Навуходоносора, служившее выражением почтения богу страны. Надписи того времени, открытые при раскопках и прочитанные, рассказывают об Ассурбанипале, что именно он победил мидян и потом, после этой победы, пожелал восстановить свою власть над всей западной Азией, возмущившейся против него — от Лидии, где царствовал Гигес († 650 г.), до Мемфиса в Египте, где царствовал Псамметих I († 617 г.), сын Нехао I († 666 г.).

Арфаксад — есть, быть может, имя, измененное переписчиками из Фраорта или Афрата (617–625), преемника Дейока (700–647), царя мидийского.

2. и построил вокруг Екбатан стены из тесаных камней, шириною в три локтя, а длиною в шесть локтей; и сделал высоту стены в семьдесят, а ширину в пятьдесят локтей,

3. и поставил над воротами башни во сто локтей, имевшие в основании до шестидесяти локтей ширины;

4. а ворота, построенные им для выхода сильных войск его и для строев пехоты его, поднимались в высоту на семьдесят локтей, а в ширину имели сорок локтей:

2–4. Прочность стен г. Екбатан вообще представляется чрезвычайной и даже баснословной. Тем не менее, другие древние писатели и новейшие раскопки подтверждают библейское свидетельство. Надо только заметить относительно ширины башен и стен, что указываемая Библией мера 50–60 локтей обозначает, вероятно, максимум ширины, какую имели башни и стены внизу, у фундамента, так как чем выше, тем стены были уже и менее массивны.

Число башен, усеивавших стены Екбатан, не указывается. Вероятно, их было не меньше, чем в стенах Ниневии, где, по Диодору Сицилийскому было 1500 башен, простиравшихся в высоту до 200 футов.

Слишком широкие и высокие ворота стен делались для того, чтобы войска могли проходить через них совершенно свободно и быстро, в полном строе и со всеми воинскими снаряжениями.

5. в те дни царь Навуходоносор предпринял войну против царя Арфаксада на великой равнине, которая в пределах Рагава.

5. «В пределах Рагава» (15 ст.: «на горах Рагава») — греч. 'Ραγααί, или 'Ράγα, — ὦν — очень значительный и древний город Мидии в провинции Рагианской, в 10 днях пути от г. Екбатан (ср. Тов I:14 — «в Рагах Мидийских»).

6. К нему собрались все живущие в нагорной стране, и все живущие при Евфрате, Тигре и Идасписе, и с равнины Ариох, царь Елимейский, и сошлись очень многие народы в ополчение сынов Хелеуда.

6. «Идаспис» (Вульгата имеет Iadason) — это, вероятно, Εύλαίος (ср. *Arrian Arab.* 7, 7. *Plin.* h. n. 6, 31; Дан VIII:2) — нынешний Absal или Desphul, по другим — Kuran, а может быть — Χοάσπης в Сузианской местности (ср. *Страбон*, 15, гл.3).

«Ариох» — имя, упоминаемое и у Моисея, Быт XIV:1 и 9 ст., а также у Даниила, II:14 ст.

«Царь Елимейский» — 'Ελυμαίοι — обитатели персидской местности Елима.

«Сыны Хелеуда» (Χελεούδ; Vet. Lat. имеет *helleuth*, Сирский — напротив — *Халдеев*). По догадке Евальда (*Gesch d. V. Isz.* III. 2 с. 543), здесь, вероятно, надо читать «дети крота» — прозвище, данное в насмешку древним сирийцам.

«В ополчение сынов Хелеуда». Точнее и правильнее читать, вместе с Сирским: «в битву», или «для сражения с сынами Хелеуда».

7. И послал Навуходоносор, царь Ассирийский, ко всем живущим в

Персии и ко всем живущим на западе, к живущим в Киликии и Дамаске, Ливане и Антиливане, и ко всем живущим на передней стороне приморья,

8. и между народами Кармила и Галаада и в верхней Галилее и на великой равнине Ездрилон,

9. и ко всем живущим в Самарии и городах ее, и за Иорданом до Иерусалима, и Ветани и Хела, и Кадиса и реки Египетской, и Тафны и Рамессы, и во всей земле Гесемской

7–10. Местности, перечисляемые здесь, все более или менее общеизвестны. Пояснений требуют лишь немногие. Βετάνη и Χελλούς — это еврейские: ??? и ???, упоминаемые у Нав XV:59, 58. — Κάδης — ???, ср. Нав XV:23.

10. до входа в верхний Танис и Мемфис, и ко всем живущим в Египте до входа в пределы Ефиопии.

11. Но все обитавшие во всей этой земле презрели слово Ассирийского царя Навуходоносора и не собрались к нему на войну, потому что они не боялись его, но он был для них как один из них: они отослали от себя его послов ни с чем, в бесчестии.

12. Навуходоносор весьма разгневался на всю эту землю и поклялся престолом и царством своим отмстить всем пределам Киликии, Дамаска и Сирии, и мечом своим умертвить всех, живущих в земле Моава, и сынов Аммона и всю Иудею, и всех, обитающих в Египте до входа в пределы двух морей.

11–12. В предшествующем 7 стихе говорится неопределенно, что Навуходоносор «*послал*» ко всем, живущим в Персии и других перечисляемых далее странах. Зачем послал? — это определение узнаем из 11 стиха. Он посылал звать их с собою на войну против Арфаксада. Но они все отказались. Любопытное объяснение этого отказа приводит Библия: отказались потому, что не боялись его (Навуходоносора). В древних международных отношениях так

еще мало, по-видимому, имели значения нравственные принципы и обязательства. Сила являлась главным и единственным вершителем и регулятором судеб и отношений народов: кого боялись, кто умел внушить страх, тому покорялись и перед тем заискивали. Примеров героического положения души одним народом за другого содружественного видим в древней истории мало.

«Пределы двух морей» (12 ст.) — здесь имеются ввиду два главных рукава р. Нила (Astaboras и Astarus), называемые у арабов — *белое* и *голубое* море.

13. И в семнадцатый год он ополчился со своим войском против царя Арфаксада и одолел его в сражении и обратил в бегство все войско Арфаксада, всю конницу его и все колесницы его,

14. и овладел городами его, дошел до Екбатан, занял укрепления, опустошил улицы города и красоту его обратил в позор.

15. А Арфаксада схватил на горах Рагава и, пронзив его копьем своим, в тот же день погубил его.

16. Потом пошел назад со своими в Ниневию, — он и все союзники его — весьма многое множество ратных мужей; там он отдыхал и пировал с войском своим сто двадцать дней.

13–16. Приготовления к войне с Арфаксадом, начатые в 12-й или 13-й год царствования Навуходоносора, заняли несколько лет; значительная часть этого времени отнята была посольствами к обитателям запада, давшими столь безуспешные результаты. Это, однако, не охладило намерений Навуходоносора, и он в 17-й год царствования расправился с Арфаксадом собственными силами. Надо полагать, что Навуходоносор даже и не имел вовсе нужды обращаться для борьбы с Арфаксадом к содействию западных обитателей, и посольство его к ним имело в виду не смиренную просьбу о помощи, а то же высокомерное и с сознанием своей силы приглашение — покориться и какими-нибудь демонстрациями не мешать задуманному им делу. Последняя цель посольствами была, как видно, все-таки достигнута, по крайней мере, настолько, что отказавшихся от союза с Навуходоносором не видим и на стороне Арфаксада, предоставленного в борьбе со врагом так же своим собственным силам. Перевес в силах был, несомненно, на стороне Навуходоносора, около которого все же сгруппировались «очень многие народы» ([6 ст.](#)), составившие «весьма многие множества ратных мужей» (16 ст.).

1–13. Навуходоносор поручает Олоферну отомстить народам, отказавшимся добровольно повиноваться ему и покорить их силою. 14–28. Олоферн отправляется в поход с огромным отборным войском и своими успехами и свирепством наводит ужас на Иудею.

1. В восемнадцатом году, в двадцать второй день первого месяца последовало в доме Навуходоносора, царя Ассирийского, повеление — совершить, как он сказал, отмщение всей земле.

2. Созвав всех служителей и всех сановников своих, он открыл им тайну своего намерения и своими устами определил всякое зло той земле.

3. И они решили погубить всех, кто не повиновался слову уст его.

1–3. Вместо «18-го» года Вульгата указывает «13-й» (*tertio decimo*). Это было бы правдоподобно лишь при игнорировании 13–16 стихов I главы и допустимо по связи с [I:1](#) ст. Дата [13-го](#) стиха I гл. делает более правдоподобной и допустимой для 1 ст. II гл. дату греческого текста — «в восемнадцатом году» (*ἐν τῷ ἑτῆι τῷ ὀκτωκαιδέκῳ*).

«Первый месяц» = Нисан, соответствующий нашему апрелю. — «Как он сказал» — (см. ранее [I:12](#)): намерение Навуходоносора отомстить непокорным народам выражено в [I:12](#) гораздо сильнее. Он не просто «сказал» и «покаялся престолом и царством своим отомстить» непокорным. Это намерение сохранялось, как видно из 2 ст., в тайне, которую теперь Навуходоносор и открывает своим сановникам. Опьяненные успехами в войне с Арфаксадом, они с большой готовностью отдают себя на исполнение его воли — «погубить всех, кто не повиновался слову уст его».

4. По окончании своего совещания, Навуходоносор, царь Ассирийский, призвал главного вождя войска своего, Олоферна, который был вторым по нем, и сказал ему:

5. так говорит великий царь, господин всей земли: вот, ты пойдешь от лица моего и возьмешь с собою мужей, уверенных в своей силе, — пеших сто двадцать тысяч и множество коней с двенадцатью тысячами всадников, —

6. и выйдешь против всей земли на западе за то, что не повиновались слову уст моих.

7. И объявишь им, чтобы они готовили землю и воду, потому что я с гневом выйду на них, покрою все лице земли их ногами войска моего и предам ему их на расхищение.

8. Долы и потоки наполнятся их ранеными, и река, запруженная трупами их, переполнится;

9. а пленных их я рассею по концам всей земли.

10. Ты же отправившись завладей для меня всеми пределами их, которые сами сдадутся тебе, тех ты сохрани до дня обличения их,

11. а непокорных да не пощадит глаз твой: предавай их смерти и разграблению по всей земле твоей.

12. Ибо жив я, — и крепко царство мое: что сказал, то сделаю моею рукою.

13. Не преступи же ни в чем слов господина твоего, но непременно исполни, как я приказал тебе, и не медли исполнением.

4–13. Имя Олоферна известно у Поливия (III, 5, 2) под другой формой *Οροφέρνης*.

«Чтоб они готовили землю и воду» (7 ст.) — обычная формула обращения персидских царей к тем, покорности которых они требовали, соответственно чему выражение — «дать землю и воду» — означало изъявить полную покорность.

«Река» (*ποταμός*), упоминаемая в 8 ст., не есть какая-либо определенная река, а коллективное обозначение вообще всех местных рек.

«По всей земле твоей» (11 ст.) — разумеется вся область, подлежащая нападению и завоеванию Олоферна.

«Жив я и крепко царство мое!» — род клятвы и решительнейшее подтверждение истинности слов (ср. Числ XIV:21; Иудифь [XI:7](#); [XII:4](#)).

14. Олоферн, выйдя от лица господина своего, пригласил к себе всех сановников, полководцев и начальников войска Ассирийского,

15. отсчитал для сражения отборных мужей, как повелел ему господин его, сто двадцать тысяч, и конных стрелков двенадцать тысяч,

16. и привел их в такой порядок, каким строится войско, идущее на сражение.

17. Он взял весьма много верблюдов, ослов и мулов для обоза их, а овец, волов и коз для продовольствия их — без числа,

18. и много пищи для всех, и очень много золота и серебра из царского дома.

19. И выступил в поход со всем войском своим, чтобы предварить царя Навуходоносора и покрыть все лице земли на западе колесницами, конницею и отборною пехотою своею.

20. И с ним вышли союзники в таком множестве, как саранча и как песок земной, потому что от множества не было и счета им.

14–20. Огромное войско Олоферна из «отборных мужей», обеспеченное продовольствием и всем потребным для далекого похода, должно было лишь «предварить» (19 ст.) самого царя Навуходоносора, который намеревался (7 ст.) сам тотчас же посетить завоеванные места с еще большим войском и довершить над ними свой грозный и неумолимый суд. Это дается понять и из 10 стиха, где Олоферн получает предписание — всех, которые сами сдадутся ему, сохранить «до дня обличения их».

21. Пройдя путь трех дней от Ниневии до передней стороны равнины Вектелеф, они повернули от Вектелефа, близ горы, лежащей по левую сторону верхней Киликии.

22. Оттуда, взяв все войско свое, пеших и конных и колесницы свои, он отправился в нагорную страну;

23. разбил Фудян и Лудян и разграбил всех сынов Рассиса и сынов Исмаила, живших в пустыне на юг к земле Хеллеонской.

21–23. Несмотря на сравнительное обилие, по-видимому, «точных» обозначений всего похода, трудно многие из них определить ближе и яснее.

«Вектелеф» — греч. Βακτιλαίθ, иначе Βεκτιλάθ, лат. Bethulia, короче Bithila. — Судя по расстоянию «3-х дней пути от Ниневии», это была местность в сев. Месопотамии, в плодородной Антемузии, — Мигдония.

«Близ горы» — по-гречески именно горы Ἀγγίου, лат. Agge и Ange (Вульг.) — имя нигде более не встречаемое.

«Фудяне» (23 ст.) это Ливийцы (Иер XLVI:9; Езд XXX:5; XXVII:10).

«Лудяне» — неточность, затрудняющая сказать, кто здесь разумеется. Можно полагать, что если это и было самостоятельное племя, то во всяком случае не в этой области. Здесь же они не появились ли, может быть, как наемники ратного дела (Иез XXVII:10)?

«Сыны Рассиса» — Ῥασσίς. Vet. Lat. — Thiras et Rasis, Вульгата — Tharsis, т. е. Tarsus. Может быть, Ῥασσίς здесь от Ῥώσος, или Ῥώσος, горной линии и города, южнее аммонитян.

«Сыны Исмаила» — разные бедуинские племена — имели в северной Аравии южнее Вавилона очень значительные места поселения.

«К земле Хеллеонской», некоторые тексты пытаются поправить и пояснить — «к земле Халдеев». Удачность такой поправки, однако, весьма сомнительна.

24. Потом, переправившись чрез Евфрат, он прошел Месопотамию и разрушил все высокие города при потоке Авроне до входа в море.

24. «Высокие города», т. е. города укрепленные, крепости.

«При потоке Авроне» — Ἀβρωνά, иначе Ἀρβωνάι, Χεβρών или Χευρών, по мнению некоторых, река Ховар (Chaboras, Chabur или Habur). Другие исследователи полагали, что в

первоначальном тексте книги здесь стояло евр. ??? — «по сую сторону реки», т. е. Евфрата, но переводчик ошибочно принял ??? за имя реки, которому прибавил и греческое окончание.

25. Заняв пределы Киликии, он избил всех, противопоставших ему, и, пройдя до пределов Иафета, лежащих к югу на передней стороне Аравии,

25. «До пределов Иафета» — Ἰάφεθ. По мнению некоторых исследователей, это Ἰάφεθ произошло из Ναβαταίοι, что делает более сообразным дальнейшее пояснение Библии — (до пределов наватеев) «лежащих к югу на передней стороне Аравии».

26. обошел кругом всех сынов Мадиама, выжег жилища их и разграбил стада их.

27. Потом спустился на равнину Дамаска, во время жатвы пшеницы, выжег все нивы их, отдал на истребление стада овец и волов, разграбил города их, опустошил их поля и избил всех юношей их острием меча.

28. Страх и ужас напал на жителей приморской страны, обитавших в Сидоне и Тире, на жителей Сура и Окины и на всех жителей Иемнаана, — и все обитатели Азота и Аскалона сильно испугались его.

28. «Жители Сура и Окины» — Ζούρ, иначе Ζούδ, евр. ???, Δωρά 1 Мак XV:11 — приморский город близ Кармила.

Вместо καί 'Οκεινά («и Окины») — некоторые списки имеют καί ἐπέκεινα (τοὺς Κινναίους). Если принять более правильным первое чтение (καί 'Οκεινά), то в таком случае под Οκεινά можно разуметь евр. ???, может быть, с ??? на конце — Акко или Аккон, известный приморский порт Птолемаиду, севернее Доры.

«Жители Иемнаана» — Ἰεμναάν, иначе Ἰάμνεϊαν филистимский город на Средиземном море (2 Пар XXVI:6; ср. 1 Мак V:58; IV:15).

На основании более или менее точных обозначений местностей, посещенных Олоферном, открывается возможность сделать общее представление о деятельности Олоферна. Сначала он совершил род набега на Каппадокию и часть Малой Азии. Затем он двинулся на восток от Евфрата, куда его побудило направиться возмущение жителей Вавилона и Месопотамии. Расположившись со своей огромной армией от реки Хавора до Персидского залива, он подавил восстание Халдеи и принял участие в поражении Вавилона и

его союзников, о чем подробно рассказывается, между прочим, в истории Ассурбанипала. Присоединение к бунтовщикам против Навуходоносора арабов побудило Олоферна обратить особое внимание на этот беспокойный элемент, рассеянный по всем странам, упоминаемым Библией по дороге Олоферна. Поразительная энергия и успех, с каким Олоферн смирял бунтовщиков против своего верховного владетеля, повсюду рассеивали ужас и трепет перед грозным полководцем, не знавшим никакой пощады и снисхождения ко всему, что попадалось ему на пути.

1–5. Посольство испуганных жителей приморской страны к Олоферну с изъявлением покорности. 6–10. Прибытие Олоферна в окрестные Иудее страны и введение в них культа Навуходоносора.

1. И послали к нему вестников с таким мирным предложением:

2. вот мы, рабы великого царя Навуходоносора, повергаемся перед тобою: делай с нами, что тебе угодно.

3. Вот перед тобою: и селения наши, и все места наши, и все нивы с пшеницею, и стада овец и волов, и все строения наших жилищ: употребляй их, как пожелаешь.

4. Вот и города наши и обитающие в них — рабы твои: иди и поступай с ними, как будет глазам твоим угодно.

1–4. «Поступай (с нами и со всем достоянием нашим) как будет тебе угодно!» — в смысле умиловительном, в целях возбуждения сострадания. И действительно, в описании действий Олоферна в приморской стране нет, напр., таких ужасающих подробностей, какие приводятся выше, II гл., [26–27](#) ст. По-видимому, Олоферн ограничился здесь лишь тем, что уничтожил прежнее богопочитание приморцев и навязал им нового бога — Навуходоносора, что более всего, конечно должно было навести ужас на соседнего Израиля, боявшегося и для себя той же участи.

5. И пришли к Олоферну мужи и передали ему эти слова.

6. Тогда он пришел в приморскую страну с войском своим, окружил высокие города стражею и взял из них отборных мужей в соратники себе.

7. А они и вся окрестность их приняли его с венками, ликами и

тимпанами.

5–7. В то время как у других народов Олоферн «избил» даже и «*всех юношей их острием меча*», к приморцам и здесь он является как будто более гуманным, позволив себе пополнить ими свое войско. К этой гуманности могли располагать Олоферна приморцы и своим подкупающим отношением, повсюду принимая его с венками, ликами и тимпанами.

8. Он же разорил все высоты их и вырубил рощи их: ему приказано было истребить всех богов той земли, чтобы все народы служили одному Навуходоносору, и все языки и все племена их призывали его, как Бога.

8. «Рощи» — с посвященными Астарте деревьями (2 Пар XIV:2).

9. Придя к Ездрилону близ Дотеи, лежащей против великой теснины Иудейской,

9. «Близ Дотеи». Вместо «Дотеи» (Δωταία) — стоит в других местах ([IV:6](#); [VII:3](#); [18](#); [VIII:3](#)), евр. ??? (Быт XXXVII:17; 4 Цар VI:13).

10. он расположился лагерем между Гаваем и городом Скифов и оставался там целый месяц, чтобы собрать весь обоз своего войска.

10. «Между Гаваем» — Γαιβαί — Γεβάλ, Γαβαί — испорченное евр. ??? — горная цепь и деревня.

«Город Скифов» — Скифополь, древний евр. ???.

1–3. Ужас иудеев пред Олоферном. 4–8. Отчаянные приготовления к защите. 9–15. Моление к Богу о помощи.

1. Сыны Израиля, жившие в Иудее, услышав обо всем, что сделал с народами Олоферн, военачальник Ассирийского царя Навуходоносора, и как разграбил он все святилища их и отдал их на уничтожение,

2. очень, очень испугались его и трепетали за Иерусалим и храм Господа Бога своего;

3. потому что недавно возвратились они из плена, недавно весь народ Иудейский собрался, и освящены от осквернения сосуды, жертвенник и дом Господень.

1–3. Ужас иудеев пред Олоферном, как это прямо дается понять, здесь более всего вызывался тем, что он разграблял и уничтожал святилища покоренных народов. Та же опасность угрожала, очевидно, и святилищу Иеговы, только что восстановленному по возвращении из плена.

4. Они послали во все пределы Самарии и Конии, и Ветерона и Вельмена, и Иерихона, и в Хову и Эсору и в равнину Салимскую,

4. «Конии» — Κωνάς, иначе Κωνά, а по некоторые спискам даже Κώμας (без последующего καί), причем от этого κώμας (деревни) в ближайшую зависимость ставится дальнейшее «Ветерона» и т. д. в качестве определения (в деревни Вефорона и т. д.). В качестве самостоятельной местности под таким наименованием указать что-либо затруднительно.

«Ветерона» — Βαιθωρών — это ???, нынешний Beit-Ur.

«Вельмена» — Βελμέν. александр. Βελμαίν, иначе ‘Αβελμαείν, лат. Abelmat: местечко где-либо вблизи Дофаима (еще другие упоминания о нем: [VII:3](#) — или Βελθεμ, или Βελβαίμ и Βελμέν, а также ‘Αβελμαευν, Vet. Lat. Abelme, Вульг. Belma, и [VIII:3](#) — Βελαμών) и Λαμών.

«В Хову» — Χωβά, или Χωβαί ([XV:5 и 4](#)) — севернее Дамаска (Быт XIV:15).

«Есора» — Αίσωρα, Ασσαρών, -это, вероятно, евр. ??? — Ασώρ — Азор.

«Равнина Салимская». — Σασλήμ, долина Саронская — по одним; другие разумеют здесь местность в окрестностях Иерусалима.

5. заняли все вершины высоких гор, оградили стенами находящиеся на них селения и отложили запасы хлеба на случай войны, так как нивы их недавно были сжаты,

6. а великий священник Иоаким, бывший в те дни в Иерусалиме, написал жителям Ветилуи и Ветомесфема, лежащего против Ездрилона, на передней стороне равнины, близкой к Дофаиму,

6. *Первосвященник Иоаким* — по некоторым спискам носит имя Елиаким (Ἰλιακεῖμ).

«Ветилуя» — Βετιλούα, Βατιλώα, Βαιτουλία, Вульг. Bethalia, — местность, кроме этой книги нигде более не упоминаемая. Трудно отождествить ее и с известными местностями. Эта неопределенность и неизвестность Ветилуи давала некоторым основание заподозрить и ее существование и признать здесь чистую фикцию, однако и Модин, куда скрылся Маттафия, также не упоминается нигде более в Библии и нелегко может быть найден среди известных ныне местностей, и между тем объяснить здесь все фикцией было бы совсем неубедительно. Некоторые подробности Библии в описании Ветилуи помогают несколько определить, хотя приблизительно, ее положение. Она была смежна с Израилем и Дафаимом ([IV:6](#); [VII:3](#)), находилась на горе, при подошве которой был источник ([VI:13](#); [VII:12](#)); из нынешних местностей значительно других может подходить к этому определению Шейк-Шебель.

«Ветомесфем» — Βατομεσθαίμ, упоминаемый также в [XV:4](#).

7. чтобы они заняли восходы в нагорную страну, потому что чрез них был вход в Иудею, и легко было им воспрепятствовать приходящим, так как тесен был проход даже для двух человек.

8. Сыны Израиля поступили так, как велел им великий священник Иоаким и старейшины всего народа Израильского, пребывавшие в Иерусалиме.

8. «*Старейшины, всего народа Израильского*» — γερουσία, упоминаемые еще далее — [XI:14](#); [XV:8](#). Некоторые хотели видеть здесь указание на Синедрион, и, так как последний не существовал ранее плена, то и самую историю Иудифи относили ко временам, более или менее значительно позднейшим плена. Это, однако, малоосновательно, ввиду того, что

υερουσια здесь представляет просто перевод часто встречающегося в Библии выражения «старейшины Израиля».

9. И с великим усердием возопили к Богу все мужи Израиля и смирили души свои с великим усердием:

10. они и жены их, и дети их, и скот их; и всякий пришлец, и наемник, и купленный за серебро наложили вретища на чресла свои.

11. И всякий муж Израильский и всякая жена, и дети, и жители Иерусалима пали пред храмом, посыпали пеплом свои головы, разостлали пред Господом свои вретища,

12. облекли жертвенник во вретище и прилежно и единодушно зывали к Богу Израилеву, чтобы Он, на радость язычникам, не предал детей их на расхищение, жен их в добычу, городов наследия их на разорение, святынь их на осквернение и поругание.

9–12. «Возопили... и смирили души свои... они (все мужи Израиля) и жены их, и дети их, и скот их...» Каким образом должен был принять участие в скорби Израиля даже и «скот их», об этом дает понятие другое подобное место в книге пророка Ионы (III:7–8), где рассказывается, как царь Ниневии, тронутый проповедью пророка и сам первый сменивший свои царские одежды на покаянное вретище, повелел и подданным своим, «чтобы ни люди, ни скот, ни волы, ни овцы ничего не ели, не ходили на пастбище и воды не пили и чтобы покрыты были вретищем люди и скот и крепко вопили к Богу». Печаль и скорбь всего окружающего должны были сопровождать скорбь Израиля и усугублять его вопль Богу о помиловании и надежду на услышание. Сам жертвенник — священное носилище молитв народа и милостей Иеговы — облекся во вретище, и терзающим сердце видом своим усугублял потоки покаянно-скорбных слез и молитв.

13. И Господь услышал голос их и призрел на скорбь их; и во всей Иудее и Иерусалиме народ много дней постился пред святилищем Господа Вседержителя.

14. А Иоаким, великий священник, и все предстоящие пред Господом

священники, служители Его, препоясав вретischem чресла свои, приносили непрестанные всесождения, обеты и доброхотные дары народа.

15. На кидарах их был пепел, и они от всей силы зывали к Господу, чтобы Он посетил милостью весь дом Израиля.

13–15. Редкий по трогательности и всеобщности подъем религиозного чувства иудеев не только вызывался их беспомощностью и страхом пред отчаянным положением, но был в то же время показателем и их внутренней сильной религиозной жизнеспособности, в которой особенно воспитали душу иудея бедствия последних лет существования Царств. Это-то и придавало проявлениям скорби иудеев печать особой трогательности и умилоствовило Господа услышать голос их и призреть на скорбь их.

1–5. Удивленный известиями о приготовлениях израильтян к сопротивлению. Олоферн справляется о них у Ахиора, вождя аммонитян. 6–21. Речь Ахиора об израильтянах. 22–24. Неблагоприятное впечатление речи на все собрание.

1. Между тем Олоферну, военачальнику войска Ассирийского, дано было знать, что сыны Израиля приготовились к войне: заложили входы в нагорную страну и укрепили стенами всякую вершину высокой горы, а на равнинах устроили преграды.

1. Приготовления иудеев к сопротивлению, конечно, были смешны до ничтожества, при такой огромности войск Олоферна и таком количестве пройденных ими победоносно ниспроверженных царств и народов. Нет сомнения, и для иудеев это было ясно до очевидности. Но чем очевиднее было ничтожество их приготовлений к защите, тем идейнее и трогательнее был этот слабый порыв к кровавой борьбе за свои священные достояния, — порыв, со всею своею могучей силою заявивший себя в столь трогательном взыскании Божественной помощи.

2. Он весьма разгневался и, призвав всех начальников Моава и вождей Аммона и всех правителей приморской страны, сказал им:

3. скажите мне, сыны Ханаана, что это за народ, живущий в нагорной стране, какие обитаемые ими города, много ли у них войска, в чем их крепость и сила, кто поставлен над ними царем, предводителем войска их,

4. и почему они больше всех, живущих на западе, упорствуют выйти мне навстречу?

2–4. Желая иметь, очевидно, неизвестные дотоле сведения об Израиле, его стране, военных крепостях и силах и о причинах его упорства, Олоферн собирает «*всех начальников Моава и вождей Аммона и всех правителей приморской страны*» и требует от них этих сведений. Как ближайшие соседи Израиля, они более других осведомлены обо всем этом, и своею многочисленностью и разноплеменностью должны были придать этим сведениям особенную ценность, всесторонность и обстоятельность.

Многие находили невероятным, чтобы Олоферн сам ничего не слышал и не знал об Израиле ранее. Однако неестественного в этом ничего нет ввиду вообще тогдашней замкнутости и малозаметности Израиля среди остального мира. Даже походы Ассирии в Самарию и Иудею мало способствовали более близкому ознакомлению с ними других восточных народов, ввиду того, что сама Ассирия составляла едва лишь 1/22 часть царств западной Азии. Судя по тому, что Олоферн, как указывает это имя, был арийского, а не семитического происхождения, можно не сомневаться, что ему еще менее, чем остальным ассирийцам, было известно все, что касалось израильтян.

Обращение в речи Олоферна «сыны Ханаана» — приложимо, собственно, лишь к сатрапам приморской области и не совсем подходит к другим членам собрания, каковы, напр., были начальники Моава и вожди Аммона. Посему, нужно думать: или Олоферн не полагал между ними и не знал никакого различия, или имел ввиду именно приморцев хананейского происхождения, к которым он относил и евреев.

5. Ахиор, предводитель всех сынов Аммона, сказал ему: выслушай, господин мой, слово из уст раба твоего; я скажу тебе истину об этом народе, живущем близ тебя в этой нагорной стране, и не выйдет лжи из уст раба твоего.

5. Имя *Ахиор* (Αχιώρ) упоминается еще в Чис XXXVI:27, впрочем — в измененном виде. Настоящая форма имени — *брат* или *друг* света.

6. Этот народ происходит от Халдеев.

6. Ахиор выставляет на вид Олоферна прежде всего халдейское происхождение иудеев, по-видимому, с целью расположить к ним Олоферна, который сам был подданным Ассирийской монархии.

7. Прежде они поселились в Месопотамии, потому что не хотели служить богам отцов своих, которые были в земле Халдейской,

8. и уклонились от пути предков своих и начали поклоняться Богу неба, Богу, Которого они познали; и Халдеи выгнали их от лица богов своих, — и они бежали в Месопотамию и долго там обитали.

7–8. Конец второго из этих стихов примыкает к самому началу предыдущего, распространяемого длинным вводным предложением, и благодаря этому несколько спутывается и затемняется последовательность рассказываемых событий. Дело представляется так. Сначала израильтяне жили в земле халдеев, от которых они и происходили (6 ст.). Но потом, когда они не захотели служить богам отцов своих халдеев (7 ст.) и начали поклоняться Богу неба (Иегове), халдеи лишили их отечества, и вот началась их скитальческая жизнь (8 ст.) *прежде они поселились в Месопотамии* (начало 7 стиха, к которому непосредственно и последовательно должен примыкать 9-й, конец же 8-го есть лишь повторение начала 7-го — *«бежали в Месопотамию и долго там обитали»*), а потом *вышли в землю Ханаанскую* и т. д. (9-й и дальнейшие стихи).

9. Но Бог их сказал, чтобы они вышли из места переселения и шли в землю Ханаанскую; они поселились там и весьма обогатились золотом, серебром и множеством скота.

10. Отсюда перешли они в Египет, так как голод накрыл лице земли Ханаанской, и там оставались, пока находили пропитание, и умножились там до того, что не было и числа роду их.

11. И восстал на них царь Египетский, употребил против них хитрость, обременяя их трудом и деланьем кирпича, и сделал их рабами.

12. Тогда они воззвали к Богу своему, — и Он поразил всю землю Египетскую неисцельными язвами, — и Египтяне прогнали их от себя.

13. Бог иссушил перед ними Черное море

14. и вел их путем Сины и Кадис-Варни; они выгнали всех обитавших в этой пустыне;

15. поселились в земле Аморреев, своею силою истребили всех Есевонитян, перешли Иордан, наследовали всю нагорную страну

16. и, прогнав от себя Хананея, Ферезея, Иевусея, Сихема и всех

Гергесеян, жили в ней много дней.

17. И доколе не согрешили пред Богом своим, счастье было с ними, потому что с ними Бог, ненавидящий неправду.

18. Но когда уклонились от пути, который Он завещал им, то во многих войнах они потерпели весьма сильные поражения, отведены в плен, в чужую землю, храм Бога их разрушен, и города их взяты неприятелями.

19. Ныне же, обратившись к Богу своему, они возвратились из рассеяния, в котором были, овладели Иерусалимом, в котором святилище их, и поселились в нагорной стране, так как она была пуста.

20. И теперь, повелитель-господин, если есть заблуждение в этом народе, и они грешат пред Богом своим, и мы заметим, что в них есть это преткновение, то мы пойдём и победим их.

21. А если нет в этом народе беззакония, то пусть удалится господин мой, чтобы Господь не защитил их, и Бог их не был за них, — и тогда мы для всей земли будем предметом поношения.

9–21. Речь Ахиора замечательно точно, осмысленно и идейно до ортодоксальности представляет историю Израиля. Особенно любопытно здесь то, что Ахиор так верно разгадывает секрет несокрушимой силы и жизненности израильского народа со всеми превратностями его судьбы и испытаниями. Этот секрет — верность Иегове и пути от Него завещанному. Ахиор отмечает на протяжении всей истории израильтян строгое соответствие их благополучия — степени этой верности, и беспристрастно — убежденно и справедливо заключает, что и в данную минуту не сила воинская, хотя бы самая надежная, может решить это в пользу Олоферна, а единственно лишь то, на какой степени верности Иегове народа израильского застигнет нападение на этот народ со стороны Олоферна.

22. Когда Ахиор окончил эту речь, весь народ, стоявший вокруг шатра, возроптал, а вельможи Олоферна и все, населявшие приморье и землю Моава, заговорили: тотчас надобно убить его;

23. потому что мы не боимся сынов Израиля: это — народ, у которого нет ни войска, ни силы для крепкого ополчения.

24. Итак, пойдём, повелитель Олоферн, — и они сделаются добычею всего войска твоего.

22–24. При всей своей замечательной сдержанности и разумности речь Ахиора не понравилась собранию именно тем, что ставила успех столь громадных и испытанных в боях и победах полчищ в зависимость от какой-то мистической силы ничтожного и слабого народа. Голос его остался совершенно одиноким и вызвал совершенно обратное действие: собрание полководцев единодушно и преданно упрашивало Олоферна вести их на Израиля, как на верную добычу, а Ахиора требовали тотчас же предать смерти.

1–9. Негодующая речь Олоферна в ответ на речь Ахиора. 10–17. Ахиор отводится к Ветилуе и, схваченный израильтянами, сообщает им все только что происшедшее в лагере Олоферна. 18–21. Ласковый прием Ахиору от умилившегося народа.

1. Когда утих шум вокруг собрания, Олоферн, военачальник войска Ассирийского, сказал Ахиору пред всем народом иноплеменных и всем сынам Моава:

2. кто ты такой, Ахиор, с наемниками Ефрема, что напорожил нам сегодня и сказал, чтобы мы не воевали с родом Израильским, потому что Бог их защищает? Кто же Бог, как не Навуходоносор? Он пошлет свою силу и сотрет их с лица земли, — и Бог их не избавит их.

3. Но мы, рабы его, поразим их, как одного человека, и не устоять им против силы наших коней.

4. Мы растопчем их; горы их упьются их кровью, равнины их наполнятся их трупами, и не станет стопа ног их против нашего лица, но гибелью погибнут они, говорит царь Навуходоносор, господин всей земли. Ибо он сказал, — и не напрасны будут слова повелений его.

5. А ты Ахиор, наемник Аммона, высказавший слова эти в день неправды твоей, от сего дня не увидишь больше лица моего, доколе я не отомщу этому народу, пришедшему из Египта.

6. Когда же я возвращусь, меч войска моего и толпа слуг моих пройдет по ребрам твоим, — и ты падешь между ранеными их.

7. Рабы мои отведут тебя в нагорную страну и оставят в одном из городов на высотах,

8. и ты не умрешь там, доколе не будешь с ними истреблен.

9. Если же ты надеешься в сердце твоём, что они не будут взяты, то да не спадает лице твоё. Я сказал, и ни одно из слов моих не пропадет.

1–9. Ответная речь Олоферна старается, во-первых, на место Бога израильского поставить своего Бога — Навуходоносора; во-вторых, выражает полное убеждение в успехе нападения на израильтян. Выражением этого убеждения был самый способ наказания Ахиора. Приговорив его к смерти, Олоферн отпускает его свободно на неприятельскую сторону, показывая этим высшую степень уверенности, что он не минет своей участи и вместе со всею этою страню попадет опять в руки их.

«*Да не спадает лице твоё*», т. е. от скорби, сомнения, малодушия (1 Цар XVII:32). Слова эти нужно понимать, по-видимому, в ироническом смысле. Олоферн представляет здесь Ахиора как будто все-таки *желающим* покорения израильтян, несмотря на высказанные сомнения в их победимости и на то, что это покорение, долженствовавшее решить судьбу Ахиора, едва ли могло его особенно радовать. Олоферн, не допуская сомнений Ахиора, старается «утешить» и его своею уверенностью, и это утешение, при вышеуказанном условии, делавшем покорение израильтян казнью Ахиора, конечно, могло звучать для последнего лишь ядовитой иронией.

Чем объяснить такое отношение к Ахиору за его поступок, вовсе не обнаруживавший в нем ничего изменнического и непатриотичного, а, напротив, даже отличавшийся столь преданной правдивостью и рассудительностью? Единственно можно объяснить это лишь до болезненности крайнею заносчивостью Олоферна с его сообщниками, так высоко ставившими свои силы, что самое сомнение в их успехе казалось дерзостью и оскорблением, тем более при столь крайней ничтожности сил противника. Тою же заносчивостью Олоферна только и могла быть придумана столь чувствительная месть Ахиору, как предание в руки врагов — с перспективой верной смерти если не от них, то вместе с ними, о коих он дал столь лестную характеристику.

10. И приказал Олоферн рабам своим, предстоявшим в шатре его, взять Ахиора, отвести его в Ветилую и предать в руки сынов Израиля.

11. Рабы его схватили и вывели его за стан на поле, а со среды равнины поднялись в нагорную страну и пришли к источникам, бывшим под Ветилуею.

12. Когда увидели их жители города на вершине горы, то взяли за оружия свои и, выйдя за город на вершину горы, все мужи-працники

охраняли восход свой и бросали в них камнями.

12. *«Когда увидели их жители города на вершине горы».* Последние слова *«на вершине горы»* при беглом чтении этого стиха звучат *обстоятельством места* к глаголу *«увидели»* (где?). На самом деле эти слова составляют определение к слову *«города»* и должны читаться связно с ним (*«города на вершине горы»*). Как видно из дальнейшего 13-го стиха, сопровождавшие Ахиора едва могли довести его лишь до подошвы горы, где и оставили его связанным, а по Вульгате — едва привязанным к дереву руками и ногами.

13. А они, подойдя под гору, связали Ахиора и, оставив его брошенным при подошве горы, ушли к своему господину.

14. Сыны же Израиля, вышедшие из своего города, остановились над ним и, развязав его, привели в Ветилую, и представили его начальникам своего города,

15. которыми были в те дни Озия, сын Михи из колена Симеонова, Хаврий, сын Гофониила, и Хармий, сын Мелхиила.

16. Они созвали всех старейшин города, и сбежались в собрание все юноши их и жены, и поставили Ахиора среди всего народа своего, и Озия спросил его о случившемся.

17. Он в ответ пересказал им слова собрания Олофернова и все слова, которые он высказал среди начальников сынов Ассура, и все высокомерные речи Олоферна о доме Израиля.

18. Тогда народ пал, поклонился Богу и воззвал:

19. Господи, Боже Небесный! воззри на их гордыню и помилуй смирение рода нашего, и призри на лице освященных Тебе в этот день.

19. «Призри на лице освященных Тебе» — Под этими «освященными» («Тебе») надлежит разуметь здесь не священников только и назореев, но и весь иудейский народ как избранный народ Божий.

20. И утешили Ахиора и расхвалили его.

20. Утешение Ахиора и похвала поведению его пред Олоферном со стороны народа вместо предполагаемых Олоферном терзаний пленника давали как бы предуказание на дальнейшие разочарования, имевшие постигнуть врагов Израиля. С другой стороны, является необходимостью установить, что правдивость Ахиора, проявленная в собрании Озии не менее чем в собрании Олоферна, была результатом заметного расположения его к народу Иеговы, — расположения, позднее завершеного формальным и убежденным присоединением к иудейству через обрезание.

21. Потом Озия взял его из собрания в свой дом и сделал пир для старейшин, — и целую ночь ту они призывали Бога Израилева на помощь.

1–7. Олоферн подступает к Ветилуе и осаждает ее. 8–18. По совету военачальников, во избежание напрасной потери воинов, город отрезается от питающих его источников. 19–22. Бедствия от жажды. 23–29. Требование народа сдать город. 30–32. Последнее усилие Озии отстоять его.

1. На другой день Олоферн приказал всему войску своему и всему народу своему, пришедшему к нему на помощь, подступить к Ветилуе, занять высоты нагорной страны и начать войну против сынов Израилевых.

2. И в тот же день поднялись все сильные мужи их: войско их состояло из ста семидесяти тысяч ратников, воинов пеших, и из двенадцати тысяч конных, кроме обоза и пеших людей, бывших при них, — а и этих было многое множество.

2. Количество войск по разным спискам указывается различно: то — 170 000, то 172 000, то 120 000; последняя цифра указывается и в параллельном месте самой книги — [II:15](#) ст. То же колебание цифры оказывается и в исчислении всадников — по одним спискам 12 000, по другим даже 22 000.

3. Остановившись на долине близ Ветилуи при источнике, они протянулись в ширину от Дофаима до Велфема, а в длину от Ветилуи до Киамона, лежащего против Ездрилона.

3. Кроме уже упоминавшихся встречаем новое наименование местности — «Киамон» — Κιαμόνος. Под этим Киамоном некоторые исследователи разумели евр. ???, упоминаемый 3 Цар IV:12; другие указывали и соответствующую этой местности современную деревню Kumieh, или же — Jamon.

4. Сыны же Израиля, увидев множество их, очень смутились, и каждый говорил ближнему своему: теперь они опустошат всю землю, и ни высокие горы, ни долины, ни холмы не выдержат их тяжести.

5. И, взяв каждый свое боевое оружие и зажегши огни на башнях своих,

они всю эту ночь провели на страже.

6. На другой день Олоферн вывел всю свою конницу пред лице сынов Израилевых, бывших в Ветилуе,

7. осмотрел восходы города их, обошел и занял источники вод их и, оцепив их ратными мужами, возвратился к своему народу.

7. Упоминаемые здесь «*источники вод*», обойденные и занятые Олоферном, по-видимому, не имели существенного значения для ветилуйцев, которые пользовались водой из другого источника, вытекавшего из подошвы их гор, на который вскоре обращают внимание Олоферна его сотоварищи. Этот последний источник заключал в себе спасение и гибель крепости, которая, будучи отрезана от него, должна была пасть без всяких жертв со стороны неприятеля (8–15 ст.).

8. Но пришли к нему все начальники сынов Исава, и все вожди народа Моавитского, и все военачальники приморья и сказали:

8. «Сыны Исава» — едомляне, жившие на границе Палестины и соседние с ними моавитяне — издавна были наиболее враждебными по отношению к израильтянам народами. В данном месте они показывают себя как нельзя более верными себе и изобретают столь коварное и сильное средство для удовлетворения своей расовой злобы и мести по отношению к Израилю. В 17–18 стихах сообщниками коварного плана едомлян и моавитян поименовываются также «сыны Аммона» — аммонитяне, вполне разделявшие чувства первых в отношении евреев и, несомненно, заслужившие разделить вместе с ними печальную славу изобретения и осуществления бесчеловечно жестокого и варварски коварного плана.

9. выслушай, господин наш, слово, чтобы не было потери в войске твоём.

10. Этот народ сынов Израиля надеется не на копья свои, но на высоты гор своих, на которых живут, потому что неудобно восходить на вершины их гор.

11. Итак, господин, не воюй с ним так, как бывает обыкновенная война, — и ни один муж не падет из народа твоего.

12. Ты останься в своем лагере, чтобы сберечь каждого мужа в войске твоём, а рабы твои пусть овладеют источником воды, который вытекает из подошвы горы;

13. потому что оттуда берут воду все жители Ветилуи, — и погубит их жажда, и они сдадут свой город; а мы с нашим народом взойдем на ближние вершины гор и расположимся на них для стражи, чтобы ни один человек не вышел из города.

14. И будут томиться они голодом, и жены их и дети их, и прежде, нежели коснется их меч, падут на улицах обиталища своего;

15. и ты воздашь им злом за то, что они возмутились и не встретили тебя с миром.

16. Понравились эти слова их Олоферну и всем слугам его, и он решил поступить так, как они сказали.

17. И двинулся полк сынов Аммона и с ними пять тысяч сынов Ассира и, расположившись в долине, овладели водами и источниками вод сынов Израиля.

18. А сыны Исава и сыны Аммона взошли и заняли нагорную область против Дофаима, и отправили часть их на юг и на восток против Екревиля, что близ Хуса, стоящего при потоке Мохмур; остальное же Ассирийское войско расположилось на равнине и покрыло все лице земли: шагры и обозы их с множеством народа растянулись на весьма большом пространстве.

18. «*Екревиль*» — имя местности, греч. Ἐκρεβίλ, а также Ἀκραβίλ — упоминаемое у Иосифа Флавия в «Иудейской войне» III, 3, 5 — Akrabah (Ἀκραβαττά) у Евсевия и Иеронима — Asrabī, лежавшая в 3 часах пути восточнее от Неаполиса по дороге к Иордану и Иерихону. От этой Asrabī носит свое имя целая монархия Акрабитенская в средней части Палестины.

«*Хус*» — греч. Χους, иначе Χουσί, или еще Ούζ, Vet. lat. Chus — не совсем удачно некоторые читали здесь — χουσεί — Кутеи-Самаряне. Более близко к истине другие объясняли это чтение от Χουρίς, сближая последнее с нынешним Dshurish.

«*Мохмур*» (имя потока), греч. Μοχμούρ, Vet. lat. Machur, по код. Герм. 15. Pochor — это, вероятно, нынешний Wadi Makhfurijeh.

19. Сыны Израиля воззвали к Господу Богу своему, потому что они пришли в уныние, так как все враги их окружили их, и им нельзя было бежать от них.

19. Безотрадность и бедственность положения ветилуйцев, лишенных воды и изнемогавших от одного из ужаснейших мучений — жажды, доведена была до крайних пределов отчаянности непроницаемой блокадой крепости полчищами Олоферна, охватившими ее сплошным железным кольцом. Незначительные запасы воды в цистернах и водоемах должны были истощиться быстро, несмотря на самую тщательную экономию. Кое-как удалось дотянуть 34 бедственных дня осады; дальнейшее существование крепости становилось до последней степени критическим. Гибель всех от смертельной жажды или сдача города были неизбежны. И — как нет ничего сильнее жажды жизни, осажденные решили избрать последнее и настоятельно требовали у начальников сдачи города.

20. Вокруг них стояло все войско Ассирийское, — пешие, колесницы и конница их, — тридцать четыре дня; у всех жителей Ветилуи истощились все сосуды с водою,

21. опустели водоемы, и ни в один день они не могли пить воды досыта, потому что давали им пить мерою.

22. И уныли дети их и жены их и юноши, и в изнеможении от жажды падали на улицах города и в проходах ворот, и уже не было в них крепости.

23. Тогда весь народ собрался к Озии и к начальникам города, — юноши, жены и дети, — и с громким воплем говорили всем старейшинам:

24. суди Бог между нами и вами; вы сделали нам великую неправду, потому что не предложили мира сынам Ассура;

25. и теперь нет нам помощника: Бог предал нас в их руки, чтобы погубить нас жаждою и великою погибелью.

25. «Бог предал нас в их руки, чтобы погубить нас жаждою и великою погибелью...» — последнее предложение (придаточное) более естественно должно быть поставляемо в ближайшую зависимость не от главного «Бог предал», а от «в их руки», чтобы эти руки погубили... и т. д. Дело бесчеловечного погубления израильтян жаждою, таким образом, представляется более делом собственно рук человеческих, и лишь делом *позволения* со стороны Божией.

26. Пригласите же их теперь и отдайте весь город на разграбление народу Олоферна и всему войску его,

27. ибо лучше для нас достаться им на расхищение: хотя мы будем рабами их, зато жива будет душа наша, и глаза наши не увидят смерти младенцев наших и жен и детей наших, расстающихся с душами своими.

28. Призываем пред вами во свидетели небо и землю, Бога нашего и Господа отцов наших, Который наказывает нас за грехи наши и за грехи отцов наших, да соделает по словам сим в нынешний день.

28. «Да соделает (Господь) по словам сим в нынешний день». Греческий текст дает иное выражение этой мысли — вместо утвердительного «да соделает» — отрицательное «ὐκ ἔσται» («да не соделает»). Последнее, по-видимому, более соответствует последующему (27 ст.), предначертывающему особо бедственную участь «младенцев, жен и детей» города в случае дальнейшего упорства его начальников в неравной борьбе. Вся мысль в таком случае получает точнее такой смысл: «да не соделает (Господь) по словам сим (иначе: «по опасениям сим») в нынешний день», т. е. «да не допустит погибнуть нам и дорогим нашему сердцу младенцам, женам и детям».

29. И подняли они единодушно великий плач среди собрания и громко зывали к Господу Богу.

30. Озия сказал им: не унывайте, братья! потерпим еще пять дней, в которые Господь, Бог наш, обратит милость Свою на нас, ибо Он не оставит нас вконец.

30. Просьба Озии не унывать и потерпеть еще 5 дней в уповании на милость Божию внушалась ближайшим образом надеждой, что за эти 5 последних дней, быть может, удастся как-либо склонить Господа на жалость к несчастным, и Он пошлет дождь ([VIII:31](#)), который наполнил бы водоемы, и не только предотвратил бы ужасную гибель от жажды, но и сделал бы возможным дальнейшее сопротивление крепости.

31. Если же они пройдут, и помощь к нам не придет, — я сделаю по вашим словам.

32. И отпустил народ в свой стан, и они пошли на стены и башни своего города, а жен и детей отослал по домам их; и в великой скорби оставались они в городе.

31. Из дальнейшего узнаем, что обещание Озии по истечении 5 дней сдать город (в случае разочарования в последних надеждах на помощь) было не простое, а клятвенное ([VIII:9](#), [30 ст.](#)). Иудифь справедливо избличает в этом превышение прав начальника и великую погрешность пред Богом, которому как бы делался вызов подобной клятвой, и выражалась попытка ограничить Его неограниченную власть и подчинить ее узким человеческим соображениям и условиям.

1–8 Родословная Иудифи и краткие о ней сведения. 9–27. Выступление ее с обличительной и увещательной речью в собрании старейшин города. 28–31. Ответ Озии. 32–36. Иудифь объявляет о своей попытке спасти народ от врагов.

1. В эти дни услышала Иудифь, дочь Мерарии, сына Окса, сына Иосифа, сына Озиила, сына Елкия, сына Анании, сына Гедеона, сына Рафаина, сына Акифона, сына Илия, сына Елиава, сына Нафанаила, сына Саламиила, сына Саласадая, сына Иеиля.

1. По общему обыкновению еврейских родословных, род Иудифи через 20 колен доводится до Израиля; отдельные колена взаимно восполняются в различных рукописях; не достает Симеона, последнего родоначальника пред Израилем, о котором ясно говорит в другом месте сама Иудифь ([IX:2](#) ст.; ср. Чис I:6; II:12). Уже предусмотрительная точность и полная согласованность родословной Иудифи с другими данными Библии устраняет всякую возможность и право отрицать действительное ее существование и трактовать всю историю ее как один сплошной вымысел. Для вымысла это было бы слишком много — видеть его обставленным столь обстоятельными и жизненно правдивыми подробностями, какими постоянно на каждом шагу сопровождает свой рассказ книга Иудифь (таковы, напр., и следующие 2–3 стихи рассматриваемой главы, и мн. др.).

2. Муж ее Манассия, из одного с нею колена и племени, умер во время жатвы ячменя;

3. потому что, когда он стоял в поле близ вязавших снопы, зной пал на его голову, — и он слег в постель и умер в своем городе Ветилуе; его похоронили с отцами его на поле между Дофаимом и Валамоном.

4. И вдовствовала Иудифь в своем доме три года и четыре месяца.

4. Время вдовства Иудифи (3 года и 4 месяца) обозначается здесь, очевидно, до описываемых событий, и, в частности, до того момента, когда Иудифь, готовясь идти к Олоферну, впервые по смерти мужа сняла с себя «одежды вдовства своего» и надела опять «одежды веселья», в которые она наряжалась при жизни мужа ([X:3](#)).

5. Она сделала для себя на кровле дома своего шатер, возложила на чресла свои вретиче, и были на ней одежды вдовства ее.

5. «Одежды вдовства» — простые, без всяких украшений ([X:3](#); [XVI:8](#); Быт XXXVIII:14).

6. Она постилась все дни вдовства своего, кроме дней пред субботами и суббот, дней пред новомесячиями и новомесячий, и праздников и торжеств дома Израилева.

6. Упоминаемые здесь «дни пред субботами» и «дни пред новомесячиями» (προσάββατα и προομηνία) давали некоторым основание признать невысокую древность кн. Иудифь, ввиду того, что «предсубботия» и «предновомесячия» будто бы стали почитаться иудеями как праздники — в довольно позднее уже время. Это было бы, однако, убедительно лишь в том случае, если бы мы знали точно, в какое именно время началось празднование означенных навечерий; а раз это не поддается точному определению, естественно, не может служить и мерилom для установления даты. Сила этого опровержения и слабость возражения еще более усугубляется тем обстоятельством, что упоминание о «предсубботиях» и «предновомесячиях» в книге Иудифь носит характер случайности и подозрительности; по крайней мере — Вульгата совсем не упоминает о них, что заставляет подозревать, что не говорил об этом и оригинальный текст.

7. Она была красива видом и весьма привлекательна взором; муж ее Манассия оставил ей золото и серебро, слуг и служанок, скот и поля, чем она и владела.

7. После упоминания о муже Иудифи — Манассии, Vet. Lat. приводит также и родословную Манассии: filius Joseph filii Achitob f. Melhis f. Elia f. Nathanahel f. Syrrasadac f. Simeon f. Israel, но эта родословная, очевидно, выбрана из 1 стиха главы (из родословной самой Иудифи), на что давало смелость упоминание стиха 2-го о происхождении Манассии из одного колена и племени с Иудифью.

8. И никто не укорял ее злым словом, потому что она была очень богобоязненна.

9. Услышала она о дурных речах народа против начальника, потому что они малодушествовали по причине оскудения воды, услышала Иудифь и о всех словах, которые сказал им Озия, как он поклялся им чрез пять дней сдать город Ассириянам,

10. и послала она служанку свою, распоряжавшуюся всем ее имуществом, пригласить Озию, Хаврина и Хармина, старейшин ее города.

11. Они пришли, — и она сказала им: выслушайте меня, начальники жителей Ветилуи! не право слово ваше, которое вы сегодня сказали перед народом, и положили клятву, которую изрекли между Богом и вами, и сказали, что сдадите город нашим врагам, если на этих днях Господь не поможет нам.

9–11. В соответствующем месте беседы Озии с народом находим лишь его простое обещание сдать город врагам («я сделаю по вашим словам», [VII:31](#)), если не придет помощь (через пять дней). В настоящем стихе встречаем важную особенность, что Озия «поклялся чрез пять дней сдать город Ассириянам». В дальнейшем 11-м стихе новая особенность: неразумная клятва усваивается не только Озии, но всем «начальникам жителей Ветилуи», о которых, между прочим, упоминается и в [VII:26](#) ст. и далее. В еще дальнейшем 30-м стихе сам Озия, по-видимому подтверждает верность этого, выражаясь в [VII:31](#) как бы лично от своего имени («я сделаю...»), он теперь уже предпочитает говорить языком представителя других («народ... принудил нас поступить так, как мы сказали им, и обязал нас клятвою, которой мы не нарушим»). Все эти дополнения должны иметь силу по своей очевидной естественности и достаточной засвидетельствованности.

В 10-м стихе имена старейшин города по русской Библии приводятся несколько иначе, чем в параллельном месте [VI:15](#): там — Хаврий и Хармий (греч. Χαβρίς и Харμίς), здесь же и далее в [X:6](#) — Хаврин и Хармин. Эти же имена в других параллельных местах Библии приводятся и еще иначе: Быт XLVI:9 — Харми (точно с евр. ???), а в Нав VII:1 — там же Хармий (в род. пад. «Хармия»). Настоящее точное, в соответствии еврейскому, начертание и произношение этих имен должно быть таково, каковым одно из них приводится в указанном месте Бытия, XLVI:9: Харми — ???, и значит — Хаври — ???. Формы — Хаврий и Хармий представляют тоже точность и соответствие, но уже меньшую, и не еврейскому, а греческому начертанию (Χαβρίς и Χαρμίς). Что же касается форм — Хаврин и Хармин, то это уже совершенное недоразумение. В обоих случаях, где по русской Библии приводятся означенные имена в таких формах ([VIII:10](#) и [X:6](#)), эти имена стоят в винительном падеже, причем греческие окончания их, естественно, изменяются в «iv» (Χαβρίv и Χαρμίv).

Переводчик на русский язык не задумался над этой метаморфозой, совершенно понятной в греческом тексте, не дал при этом себе и труда припомнить уже употребленные им формы имен ([VI:15](#)), и полагая — в [VIII:10](#) и [X:6](#), что имеет дело с именами неизменяемых окончаний, перевел буквально греческие винительные падежи, прицепив к ним еще русские винительные окончания. Отсюда и вышло — вместо: Хаврия и Хармия — Хаврина и Хармина (Χαβρίν'а и Χαρμίν'а).

12. Кто же вы, искушавшие сегодня Бога и ставшие вместо Бога посреди сынов человеческих?

13. Вот, вы теперь испытуете Господа Вседержителя, но никогда ничего не узнаете;

14. потому что вам не постигнуть глубины сердца у человека и не понять слов мысли его: как же испытаете вы Бога, сотворившего все это, и познаете ум Его, и поймете мысль Его? Нет, братья, не прогневляйте Господа, Бога нашего!

15. Ибо если Он не захочет помочь нам в эти пять дней, то Он имеет власть защитить нас в какие угодно Ему дни, или поразить нас пред лицом врагов наших.

16. Не отдавайте же в залог советов Господа Бога нашего: Богу нельзя грозить, как человеку, нельзя и указывать Ему, как сыну человеческому.

17. Посему, ожидая от Него спасения, будем призывать Его к себе на помощь, и Он услышит голос наш, если это Ему будет угодно.

18. Ибо не было в родах наших, и нет в настоящее время ни колена, ни племени, ни народа, ни города у нас, которые кланялись бы богам рукотворенным, как было в прежние дни,

19. за что отцы наши преданы были мечу и расхищению и пали великим падением пред нашими врагами.

20. Но мы не знаем другого Бога, кроме Его, а потому и надеемся, что Он не презрит нас и никого из нашего рода.

21. Ибо с пленением нас падет и вся Иудея, и святыни наши будут разграблены, и Он взыщет осквернение их от уст наших,

22. и убиение братьев наших и пленение земли и опустошение наследия нашего обратит на нашу голову среди народов, которым мы будем порабощены, и будем в соблазн и поношение у тех, которые овладеют нами;

23. потому что рабство не послужит нам в честь, но Господь, Бог наш, вменит его в бесчестие.

24. Итак, братья, покажем братьям нашим, что от нас зависит жизнь их, и на нас утверждаются и святыни, и дом Господень, и жертвенник.

25. За все это возблагодарим Господа, Бога нашего, Который испытует нас, как и отцов наших.

26. Вспомните, что Он сделал с Авраамом, чем искушал Исаака, что было с Иаковом в Сирской Месопотамии, когда он пас овец Лавана, брата матери своей:

27. как их искушал Он не для истязания сердца их, так и нам не мстит, а только для вразумления наказывает Господь приближающихся к Нему.

11–27. Речь Иудифи, в высшей степени одушевленная, трогательная и разумная, носит в первой части своей (11–16 ст.) обличительный характер, во второй (17–27 ст.) — увещательный.

Вдумываясь в дело глубже, нельзя не чувствовать, что та форма, какую придал Озия своему обещанию сдать город, действительно носила вызывающе-требовательный характер по отношению к Господу Богу, с судьбами Его свободного Самоопределения. Если бы Озия выразился просто: «сдам город, если через 5 дней не произойдет изменения в его положении к лучшему», — тогда это было бы вполне в порядке вещей человеческого обсуждения. Но когда он предварительно высказал всю надежду на помощь Господа и затем поставил произвольно по своему человеческому соображению срок для этой помощи, составившей исключительно дело Божественного Самоопределения, тогда это, очевидно, было уже *посягательством* на указанное Самоопределение, *ограничением* Неограниченного и Всемогущего, Премудрого и Благостнейшего Существа: было тем, чем было подобное же действие Моисея в пустыне, когда он, не вытерпев до конца малодушного уныния народа, «искусил» Господа столь же малодушным воплем: «*послушайте, непокорные, разве нам из этой скалы известь для вас воду?*» (Чис XX:10). Это было «искушение» Господа, «испытание» или «проба» Его силы, «вызов» Его всемогуществу, премудрости и благости. Это была, по тонкому определению самой Иудифи (16 ст.), как бы «отдача в залог» советов Господа Бога нашего, «угроза» Ему как человеку, подсказ Его действиям, вымогательство Его чудес. Все это заслуживало того обличения и вразумления, с какими обращается Иудифь прежде всего к начальникам города.

Вторая, увещательная часть речи, выражая надежду на то, что Господь не оставит народ свой, убежденно и обстоятельно утверждает эту надежду глубоко тонкими соображениями. Главное из этих соображений приводилось также Ахиором ([V:21](#)) в предостережение Олоферну: это — верность народа Господу Богу своему и незнание другого Бога, кроме Него (20 ст.). В подтверждение этого соображения приводится (в виде вводного предложения — 18–19 ст.) напоминание, что все прежние несчастья народа вызывались изменами Богу, чего в последнее время давно не было и нет. Другое соображение в пользу терпеливого ожидания помощи Божией — то, что падение их города было бы падением и пленением всей Иудеи, со всеми ее святынями, и показывали бы как бы их (ветилуйцев) более всего виновными и ответственными за это несчастье и осквернение святынь. И наоборот — вымолив терпеливою молитвою помощь и мужественно перенеся настоящее испытание, они явятся посредниками спасения остального Израиля и святынь храма Божьего. Последнее было настолько несомненно для Иудифи, что она уже заранее призывает благодарить Бога. «*За все это возблагодарим Господа Бога нашего, Который испытует нас, как и отцов наших* (Авраама, Исаака, Иакова)!» — заключает вдохновенно и с пламенной верою эта удивительная женщина, самое появление которой в такие отчаянные минуты с таким присутствием духа было уже чудом, заставлявшим верить в близкую возможность других чудес, необходимых для спасения бедствующего города. Одного из таких чудес Озия ждал в ниспослании дождя, и вот теперь, видя пред собою до чудесности мужественную и вдохновенную женщину, он надеется через ее молитву испросить у Господа спасительное ниспослание дождя и просить ее вознести эту молитву (28–31 ст.). Однако и это было «подчинением» Господа ограниченным человеческим соображениям, «подсказом» Его действий, превосходящих часто всякие человеческие соображения, ожидания и предположения. Вот почему и Иудифь отвечает на просьбу Озии (о дожде) совсем другим действием, которое поистине было чудеснее дождя и по справедливости заслужило быть пронесенным «сынами рода нашего в роды родов» (22 ст.).

28. Озия сказал ей: все, что ты сказала, сказала от доброго сердца, и

никто не будет противиться словам твоим,

29. ибо не с настоящего только дня известна мудрость твоя, но от начала дней твоих весь народ знает разум твой и доброе расположение твоего сердца.

30. Но народ истомился от жажды и принудил нас поступить так, как мы сказали им, и обязал нас клятвою, которой мы не нарушим.

31. Помолись же о нас, ибо ты жена благочестивая, и Господь пошлет дождь для наполнения водохранилищ наших, и мы больше не будем изнемогать от жажды.

32. Иудифь сказала им: послушайте меня, — и я совершу дело, которое пронесется сынами рода нашего в роды родов.

33. Станьте в эту ночь у ворот, — а я выйду с моею служанкою, и в продолжение дней, после которых вы решили отдать город нашим врагам, Господь посетит Израиля моею рукою.

33. Как ни предосудительным представлялось в очах Божиих, с точки зрения Иудифи, обличенное его назначение срока (5 дней) для спасения города, тем не менее Иудифь не изменяет этого срока, очевидно, не находя удобным, чтобы раз данная клятва могла быть нарушена, и идет на свое дело в полной уверенности, что в продолжение указанных дней Господь посетит Израиля ее рукою.

Решив в эту же ночь отправиться в лагерь неприятельский, Иудифь просит начальников прийти к воротам города. Это нужно было, вероятно, для того, чтобы сразу же получить их экстренное разрешение к открытию ворот, с особенной бдительностью охраняемых стражей ([X.9](#)); заблаговременно же такое разрешение испрашивать было неудобно ввиду того, что могла разгласиться ее затея и возбудить излишнее и опасное любопытство. Нужно было присутствие начальников здесь, может быть, и для того, чтобы они собственными глазами видели, что дело спасения народа *начато*, и с большим терпением и надеждой переносили особенно тяжелые последние дни погибавшего от осады города, ожидая конца начатого.

34. Только не расспрашивайте о моем предприятии, потому что я не скажу вам, доколе не совершится то, что я намерена сделать.

35. И сказал ей Озия и начальники: ступай с миром, и Господь Бог пред тобою на отмщение врагам нашим!

36. И вышли из шатра ее и пошли к полкам своим.

34–36. Иудифь не посвящает никого, даже начальников, в планы своего предприятия. Преисполненная глубокой веры в то, что дело ее — дело Божие, она ни от кого не ждала помощи, не нуждалась ни в чьих советах и указаниях, и потому не считала нужным до времени разглашать кому бы то ни было это Божие дело. Достаточно что эта дивная женщина, во всей этой истории действующая духом и силою истинных вдохновенных избранников Божиих, успела сразу внушить к себе столько доверия, что начальники, чувствуя близость избавления от врагов, напутствуют ее со столь облегченной душой: *«ступай с миром, и Господь Бог пред тобою на отмщение врагам нашим!»*

1–14. Молитва Иудифи.

1. А Иудифь пала на лице, посыпала голову свою пеплом и сбросила с себя вретище, в которое была одета; и только что воскурили в Иерусалиме, в доме Господнем, вечерний фимиам, Иудифь громким голосом воззвала к Господу и сказала:

1. *Вретище*» — σάκκος — грубая траурная одежда, которую Иудифь носила сверх одежд вдовства. Та и другая одежды раздельно упоминаются далее: [X:3](#) ст. — По [VIII:5](#) вретище Иудифи было на *чреслах* ее, и, следов., под одеждами вдовства.

«*Вечерний фимиам*» — в отличие от «утреннего». Фимиам воскурялся два раза — утром и вечером (Исх X:7–8). Приступая к молитве, Иудифь сбрасывает с себя вретище, показывая, что ее личная печаль по мужу отныне заглушается скорбью за Израиль, и что она целиком всю свою душу отдает этой скорби и жажде помочь ему, до положения жизни своей.

2. Господи Боже отца моего Симеона, которому Ты дал в руку меч на отмщение иноплеменным, которые открыли ложесна девы для оскорбления, обнажи бедро для позора и осквернили ложесна для посрамления! Ты сказал: да не будет сего, а они сделали.

2–14. Молитва Иудифи изливается с воспоминания знаменитого в истории ее предков деяния Симеона, (Быт XXXIV:30), который вместе с другим сыном Иакова — братом своим Левием жестоко отомстил поругание своей сестры (Дины) Сихему и всем жителям города его. Воспомянув это событие с благородной гордостью и исповеданием правосудного всемогущества Божия (1–6 ст.) Иудифь переходит к настоящему бедственному положению своего народа, излагает горделивые и дерзкие угрозы и намерения ассириян на святилище и народ Божий, довольно верно и разумно видит в этих угрозах и намерениях как бы новое, подобное Сихемову, покушение на честь и целость достояния Божия (7–8 ст.), и подобно тому, как в деянии знаменитого предка ее, хитрость употреблена была в орудие отмщения беззаконной дерзости, так теперь в той же хитрости она видит приличнейшее средство для сокрушения дерзости врага и молит Бога, чтобы именно таким достойным путем помог ей прославить Его Имя и Силу Правосудия Своего над дерзкими посягателями на Его святыни (9–14 ст.).

Любопытно, что значение деяния знаменитого предка Иудифи — Симеона, так восхваляемого Иудифью, выступает по Бытию, XXXIV:30 и XLIX:5 и д. в совершенно ином освещении. По тексту Бытия, Иаков был очень даже возмущен поступком Симеона. И это не по боязни лишь за последствия столь жестокой расправы; если бы только опасения мести за

убиение Сихема руководили Иаковом в неодобрении поступка Симеона, он, конечно, не вспоминал бы об этом поступке с тем же резким порицанием спустя много лет, когда всякая опасность миновала (во втором из указанных мест Библии). Очевидно, Иаков был и принципиально против поступка Симеона, в котором он видел излишне жестокую месть, узкое самолюбие и напрасное бесчеловечие, особенно ввиду искреннего раскаяния, принесенного Сихемом [2]. Совершенно в другом освещении выступает дело Симеона по представлению Иудифи. Для нее это дело представляется, прежде всего, одним из достославнейших дел Господа, защитника невинных и карателя надменных угнетателей невинности. Симеон в данном случае являлся простым орудием правосудного гнева Божия и исполнял это предназначение помимо всяких личных интересов и узких соображений. И дело его — было не дело его *одного*, а всех ревнителей Имени Божия и славы Его, почему дальше имя Симеона и сливается со всеми — сынами, возлюбленными Богом, представителями коих в этом деле являлись Симеон и Левий. Спрашивается теперь, какое из приведенных двух освещений дела Симеона принять за более истинное и удобоприемлемое? Нам кажется, что то и другое вовсе не исключают друг друга и должны сохранять свою силу, взаимно друг друга восполняя и поправляя. В жизни нашей весьма нередки случаи, когда события и явления, по-видимому, совершенно обыденные и вращающиеся в сфере жизни одного известного лица, отражают на себе значение всеобщее, широкое и глубокое на все времена, для всех людей. К числу таких событий принадлежит и разбираемое дело Симеона, в полном своем значении и всестороннем освещении выступившее лишь к позднему времени.

Поступок «иноплеменных», вызвавших столь жестокую и заслуженную месть со стороны Симеона, представляется преступным нарушением ясно выраженного запрещения Божия: *«Ты сказал: да не будет сего, а они сделали»* (2 ст.). В сообщении об этом поступке в вышеуказанном месте книги Бытия (XXXIV:7) этим словам соответствует нечто подобное: *«а так не надлежало делать»*. Быть может, оба эти выражения представляют свободный перифраз известного подлинного запрещения Божьего, внесенного во Втор XXIII:17: *«не должно быть блудницы из дочерей Израилевых...»* Моисей, как автор не только Второзакония, но и Бытия, конечно, позволяет разуместь это запрещение и под глухо выраженной мыслью указанного места Бытия. Некоторые, впрочем, толкователи справедливо полагают, что это глухое выражение мысли о преступности поступка Сихема употреблено Моисеем неспроста и показывает его строгую применительность к воззрениям и состоянию повествуемого времени. Это время, может быть, еще и не имело ясного и прямого суждения Божьего по указанному вопросу, но руководствовалось лишь обычаем и устанавливавшимися еще тогда нравственными понятиями. Тем не менее эти обычаи и понятия, многие из коих получили после Божественную санкцию при Синае, имели для детей Иакова священное значение, потому что утверждались на основных требованиях естественного нравственного чувства, принадлежали к области тех нравственных начал, которыми, по Апостолу, *«языцы закона не умуже, естеством законная творят»*, и тем более должны были усвоиться чуткими душами детей Израиля, ввиду его Божественного избранничества. Неудивительно посему, что так близко принято было ими к сердцу несчастное происшествие с Диною и подвигло их на столь страшное дело мести.

Непосредственным продолжением обращения *«Господи Боже отца моего Симеона»* (2 ст.) — является в 9 стихе мольба: *«дай вдовьей руке моей крепость на то, что задумала я»*. В этом мыслится все, в чем должна выражаться помощь Божия. Иудифь высказывает и частнее это общее содержание своей молитвы: *«сокруши их крепость... уничтожь их силу»* (8 ст.); *«воззри на превозношение их, пошли гнев Твой»* (9 ст.); *«устахи хитрости моей порази... сокруши гордыню их»* (10 ст.); *«сделай слово мое и хитрость мою раною и язвою для тех,*

которые задумали жестокое...» (13 ст.); «вразуми весь народ Твой и всякое племя» (14 ст.).

Из некоторых намеков в самой молитве (и еще ранее, см. [VIII:32-34](#)) дается установить, что у Иудифи уже совершенно готов был план и способ действий. Как достойная дочь Симеона, она избрала меч в отмщение позорившим честь Израиля, а способом к успешному достижению своей цели решила употребить хитрость: решила именно до некоторой степени сделаться новой «Диной», дать завлечь себя до самой ложницы врага и, оставшись наедине с ним, «подарить» вместо чаемых ласк смертоносный удар мечом. Ослепительная красота, усугубляемая великолепными одеждами с украшениями и выдающеюся разумностью Иудифи — позволяли надеяться на добрую половину успеха задуманного дела; остальное — лучше же сказать: все — эта дивная женщина надеялась осуществить лишь при помощи Божьей и силою своей крепкой веры в Спасителя безнадежных и Защитника угнетаемых. Насколько сама она при этом мало придавала себе значения, можно видеть из того, что своею слабостью она даже подчеркивала еще большее величие имеющего совершиться через нее Божьего дела: «сокруши гордыню их рукою женскою!» (10 ст. и д.).

3. И за то Ты предал князей их на убиение, постель их, которая видела обольщение их, обагрил кровью и поразил рабов подле владельцев и владельцев на тронах их,

4. и отдал жен их в расхищение, дочерей их в плен и всю добычу в раздел сынам, возлюбленным Тобою, которые возревновали Твоею ревностью, возгнушались осквернением крови их, и призвали Тебя на помощь. Боже, Боже мой, услышь меня вдову!

5. Ты сотворил прежде сего бывшее, и сие и последующее за сим, и содержал в уме настоящее и грядущее, и, что помыслил Ты, то и совершилось;

6. что определил, то и явилось и сказало: вот я. Ибо все пути Твои готовы, и суд Твой Тобою предвиден.

7. Вот, Ассирияне умножились в силе своей, гордятся конем и всадником, тщеславятся мышцею пеших, надеются и на щит и на копье, и на лук, и на пращу, а не знают того, что Ты — Господь, сокрушающий брани.

8. Господь — имя Тебе; сокруши же их крепость силою Твоею, и

уничтожь их силу гневом Твоим, ибо они замыслили осквернить святилище Твое, поругаться над мирным селением имени славы Твоей и железом сокрушить рог Твоего жертвенника.

9. Воззри на превозношение их, пошли гнев Твой на главы их, дай вдовьей руке моей крепость на то, что задумала я.

10. Устами хитрости моей порази раба перед вождем, и вождя — пред рабом его, и сокруши гордыню их рукою женскою;

10. *«Порази раба пред (греч, епі) вождем, и вождя пред рабом его...»* Это выражение представляет прямую параллель мысли 3-го стиха, где греческому епі предан другой, более точный, смысл: *«Ты... порази рабов подле владельцев (т. е. рядом и одновременно с владельцами) и владельцев на тронах их».*

11. ибо не во множестве сила Твоя и не в могучих могущество Твое; но Ты — Бог смиренных, Ты — помощник умаленных, заступник немощных, покровитель упавших духом, спаситель безнадежных.

12. Так, так, Боже отца моего и Боже наследия Израилева, Владыка неба и земли, Творец вод, Царь всякого создания Твоего! Услышь молитву мою,

12. *«Владыка неба и земли, Творец вод...»* Небо, земля и вода приводятся здесь, как обнимающие собою понятия всего; это обобщается в дальнейшем: *«Царь всякого создания Твоего...»*

13. сделай слово мое и хитрость мою раною и язвою для тех, которые задумали жестокое против завета Твоего, святого дома Твоего, высоты Сиона и дома наследия сынов Твоих.

13. *«Дом наследия сынов Твоих»* — коллективное обозначение всех домов израильских,

полученных не по обычному наследию только от предков, а по наследию от Самого Господа, дарованному по изведении из Египта.

Решив употребить для поражения врага хитрость, обман, коварство, ложь, Иудифь призывает Господа в помощь, как будто, слишком недостойному делу и даже надеется явить в этом деле особую славу и величие Бога Израилева. Не слишком это дерзновенно и недостойно Господа Бога? Некоторые толковники говорят, что так как само Свящ. Писание хвалит героизм Иудифи, то способ, которым она погубила Олоферна (обман), извиняется будто бы побуждениями, одушевлявшими ее поведение, добросердечною верою. Такое объяснение дела, однако, малоудовлетворительно, и ничем не лучше иезуитского: «цель оправдывает средства». Объяснение Фомы Аквината более осторожно. Он замечает, что «Писание хвалит Иудифь не за ее ложь, но за преданность, которую она имела к своему народу, для коего она подверглась опасности». Однако, если то же Писание и не осуждает Иудифь за ее хитрость и позволяет ей даже так убежденно и дерзновенно молить Господа использовать эту хитрость во славу Имени Своего, очевидно уже, что эта хитрость ее не совсем подходит к обычным понятиям *лжи* и должна трактоваться с точки зрения других измерений. Хитрость Иудифи была бы зазорна, если бы все в успехе этого дела созидалось только на ней, исчерпывалось только ею и имело значение только, как ловкое обнаружение ее. При более глубоком вникновении в дело, мы должны почувствовать, что главный фактор во всей этой истории — не Иудифь, не ее хитрость, отважность и т. п., а — Господь со Своим Правосудием и всемогущею Премудростью. Он, помимо Иудифи, определил участь Олоферна и мог, без всякого содействия ее, решить эту участь всяким другим образом. Употребляет же женскую хитрость для большего посрамления врага, вознесшегося в своих похвальбах выше надлежащего, не для прославления хитрости, не для поощрения ее, а для сокрушения гордости человеческой — человеческою же слабостью и ухищрением. Это, конечно, не накидывает никакой тени на Чистейшее Существо, Которое употребило здесь человеческую хитрость не для прикрытия Своей слабости, как употребляют хитрость люди, а именно для большего обнаружения и прославления Своей силы, разрушающей горделивую заносчивость человека его же хрупким оружием.

14. Вразуми весь народ Твой и всякое племя, чтобы видели они, что Ты — Бог, Бог всякой крепости и силы, и нет другого защитника рода Израилева, кроме Тебя.

1–5. Приготовление Иудифи в путь. 6–10. Встреча с начальниками у ворот. 11–17. Встреча с ассирийцами. 18–19. Иудифь в лагере врагов. 20–23. Иудифь представляется Олоферну в его шатре.

1. Когда она перестала взывать к Богу Израилеву и окончила все эти слова,

2. то поднялась на ноги, позвала служанку свою и пошла в дом, в котором она проводила субботние дни и праздники свои.

1–2. «Вошла в дом, в котором она проводила субботние дни и праздники свои», т. е. вошла из того «шатра», который «она сделала для себя на кровле дома своего», для уединения после потери мужа ([VIII:5](#)). Такие шатры, или иначе «горницы» для уединенной сокровенной молитвы и Богомыслия часто упоминаются в других местах Библии и были, очевидно, принадлежностью всех благочестивых израильских домов (Тов III:17; Деян X:9; IX:39 и др.).

3. Здесь она сняла с себя вретиче, которое надевала, сняла и одежды вдовства своего, омыла тело водою и намастилась драгоценным миром, причесала волосы и надела на голову повязку, оделась в одежды веселия своего, в которые она наряжалась во дни жизни мужа своего Манассии;

3. По [IX:1](#) Иудифь уже ранее пред молитвой «сбросила с себя вретиче», посему второе упоминание о сем, по окончании молитвы, или надлежит понимать, как повторение первого, или, быть может, Иудифь опять надевала вретиче после молитвы и, спустившись с горницы в дом, опять должна была снять его с себя, со всеми другими одеждami — для полного своего переодевания, которое она совершила со всею тщательностью.

4. обула ноги свои в сандалии, и возложила на себя цепочки, запястья, кольца, серьги и все свои наряды, и разукрасила себя, чтобы прельстить глаза мужчин, которые увидят ее.

4. «*Обула ноги свои в сандалии*», — как одно из средств к обольщению Олоферна ([XVI:9](#)). Дома она обходилась и без них, но на этот случай они, естественно, имели особенное значение, дополняя красоту ее убора и силу очаровательности.

5. И дала служанке своей мех вина и сосуд масла, наполнила мешок мукою и сушеными плодами и чистыми хлебами и, обвернув все эти припасы свои, возложила их на нее.

5. «*Чистыми хлебами*» — в противоположность языческим, запрещенным для Иудея ([XII:1-2](#)).

6. Выйдя к воротам города Ветилуи они нашли стоявшими при них Озию и старейшин города, Хаврина и Хармина.

6. См. выше объяснение к [VIII:10](#).

7. Когда они увидели ее и перемену в ее лице и одежде, очень много дивились красоте ее и сказали ей:

8. Бог, Бог отцов наших, да даст тебе благодать и да совершит твои намерения на радость сынов Израиля и на возвеличение Иерусалима. Она поклонилась Богу

8. «*Да даст тебе благодать*» — греч. δῶν σε εἰς χάριν, слав. более точно и соответственно греческому: «*да даст тя в благодать*», т. е. да подаст то, чтобы ты была в полном распоряжении и хранении благодати и благоволения Божия, — другими словами «да поможет и сохранит тебя своею благодатию!»

«*Она поклонилась Богу и сказала им...*» По мнению некоторых толкователей, после слова «*поклонилась*» в оригинале следовало читать ??? («им»), но переводчик счел евр. ??? за ??? и перевел «*поклонилась Богу*», тогда как следовало перевести, «*поклонилась им*», т. е. старейшинам. Многие рукописи действительно имеют в данном месте такую именно вариацию. Другие толкователи оспаривают уместность подобной поправки и, ссылаясь на то, как выше Иудифь вела себя со старейшинами — далеко не так, чтобы они могли ждать от нее поклона (VIII гл.), — говорят, что поклон именно Богу был здесь со стороны Иудифи

гораздо уместнее, составляя как бы ее «аминь» к благожеланиям старейшин.

9. и сказала им: велите отворить для меня ворота города; я выйду для исполнения дела, о котором вы говорили со мною. И велели юношам отворить для нее, как она сказала.

10. Они исполнили это. И вышла Иудифь и служанка ее с нею; а мужи городские смотрели вслед за нею, пока она сходила с горы, пока проходила долиной и пока не скрылась от их глаз.

11. Они шли прямо долиною, и встретила Иудифь передовая стража Ассириян,

12. и взяли ее и спросили: чья ты, откуда идешь и куда отправляешься? Она сказала: я дочь Евреев и бегу от них, потому что они будут преданы вам на истребление.

13. Я иду к Олоферну, вождю вашего войска, возвестить слова истины и указать ему путь, которым он пойдет и овладеет всею нагорною странюю, так что не погибнет из мужей его ни один человек и ни одна живая душа.

13. «*Ни одна живая душа*» — πνεύμα ζωής (Быт VI:17; VII:15) — это выражение употреблено здесь для усиления мысли: «не погибнет из мужей его совершенно никто никоим образом».

14. Когда эти люди слушали слова ее и всматривались в лице ее, — она показалась им чудом по красоте, и они сказали ей:

15. ты спасла душу твою, поспешив придти к господину нашему; ступай же к шатру его, а наши проводят тебя, пока не передадут тебя ему на руки.

15. «Ты спасла душу твою», т. е. жизнь твою (ср Пс LXXI:13 и Мк III:4).

16. Когда ты станешь перед ним, — не бойся сердцем твоим, но выскажи слова твои, и он тебя облагодетельствует.

17. И, выбрав из среды своей сто человек, приставили их к ней и к служанке ее, и они повели их к шатру Олоферна.

17. Число проводников, предложенных Иудифи, что-то слишком велико (100 человек). Вероятно, это нужно было не только для охраны Иудифи, сколько для выражения той особой важности, какую почувствовали враги в этом необычайном происшествии. Быть может, также царственная осанка Иудифи сразу внушила к ней царственное же и уважение, которое тотчас же подсказало приставить к ней и царственный штат конвоя для официального представления Олоферну. Наконец, и то естественным делает многочисленность проводников Иудифи, что враги находились в чужой местности, и передовые отряды их, где была захвачена Иудифь, конечно, отстояли от остального лагеря не столь близко, чтобы сношение с ним было вполне безопасно от всяких случайностей, во всех важных случаях это сношение, естественно, должно было совершаться целыми отрядами.

18. Во всем стане произошло движение, потому что весть о приходе ее разнеслась по шатрам: сбежавшиеся окружили ее, так как она стояла вне шатра Олоферна, пока не возвестили ему о ней;

19. и дивились красоте ее, а из-за нее дивились и сынам Израиля, и говорили каждый ближнему своему: кто пренебрежет таким народом, который имеет таких жен у себя! Неблагоразумно оставить из них ни одного мужа, потому что оставшиеся будут в состоянии перехитрить всю землю.

19. «Кто пренебрежет таким народом который имеет таких жен у себя! Неблагоразумно оставить из них ни одного мужа, потому что оставшиеся будут в состоянии перехитрить всю землю». Первое из этих предложений имеет вопросительный характер, не имеет ответа, потому что второе предложение отвечает совсем другой мыслью. Оба эти предложения приведены, вероятно, как две самостоятельных крайности, до каких доходят разговоры и

суждения врагов при виде Иудифи. Одни говорили, что этот народ, народ Иудифи, должен, вероятно, отличаться выдающимися достоинствами и вызывать к себе заслуженное уважение, а не презрение. Эту мысль историк Иудифи выразил в вопросной форме, подразумевая ответ, подтверждающий справедливость вопрошаемого или вопрошающего («кто?...» — «никто»). Другие, наоборот, видели именно в достоинствах этого народа сугубую опасность для себя и делали вывод совершенно обратный — о необходимости совершенного истребления мужчин иудейских. Эту мысль историк противопоставил первой, как ответ, разрушающий силу убедительности прямого ответа и более сообразный с представлением страшной опасности, грозившей иудеям от врагов.

«*Перехитрить всю землю*» — $\kappa\alpha\tau\alpha\sigma\phi\acute{\iota}\sigma\alpha\sigma\theta\alpha\iota\ \lambda\acute{\alpha}\sigma\alpha\nu\ \tau\acute{\eta}\nu\ \gamma\eta\nu$ — Vet. Lat. *possidere totam terram*. Древний латинский текст поясняет точнее смысл греческого, выражаясь «оставшиеся возмугут занять (*possidere*) всю землю». — Однако, такое пояснение отнимает у подлинника весьма характерный оттенок мысли. В выражении «*перехитрить*» подчеркивается особо выдающееся свойство иудейского народа, делавшее его, с точки зрения врага, труднопобедимой силой: это — свойство его ума, разумность, сила духа, достаточное представление, коих могли дать очаровавшие всех речи Иудифи. Здесь, таким образом, еще раз подтверждается, что для победы над иудеями недостаточно численного превосходства и физической силы (мысль Ахиора): для этого нужно особенное искусство — «хитрость» — высшая работа ума и вообще сил духовных, которых так много на стороне иудеев, что и побежденные их же оружием — они могут вывернуться из затруднения и решающее значение победы удержать за собою.

20. Между тем спавшие при Олоферне и все служители его вышли и ввели ее в шатер.

20. «*Спавшие при Олоферне и все служители его*», т. е. составлявшие его охрану, державшую при нем стражу.

21. Олоферн отдыхал на своей постели за занавесом, украшенным пурпуром, золотом, изумрудом и драгоценными камнями.

22. Когда ему доложили о ней, он вышел в переднее отделение шатра, и перед ним несли серебряные лампы.

22. «*Пред ним (Олоферном) несли серебряные лампы*». Это было нужно не только по требованиям, может быть, этикета, а и в силу действительной необходимости в свете — для лучшего осмотра захваченной иудейки, так как дело происходило ночью ([XI:3](#), [5](#), и ранее [VIII:33](#)).

23. Когда Иудифь представилась ему и служителям его, все удивились красоте лица ее. Она, пав на лице, поклонилась ему, и служители его подняли ее.

23. «*Она, пав на лице, поклонилась ему*». Иудеи вообще избегали подобных выражений почтения простым смертным, тем более язычникам, считая подобное чествование приличествующим лишь Иегове — Богу. В истории Есфири мы имеем пример резкого и решительного отказа со стороны Мардохея воздать подобную почесть Аману. Но в той же истории мы видим и то, что сама Есфирь падает к ногам Артаксеркса со своей просьбой ([VIII:3](#)). Очевидно, это действие падения ниц и поклонения допускало инотолкования и известное различие в применении к Богу и человеку, и не у всех применялось с той щепетильностью, как это видим у Мардохея.

1–4. Олоферн допрашивает Иудифь. 5–19. Иудифь объясняет (ложно) причину своего ухода и предлагает Олоферну свои услуги для завладения Иудеей, ссылаясь на откровение воли о том Божией. 20–23. Олоферн верит и выражает благоволение Иудифи.

1. Олоферн сказал ей: ободрись, жена; не бойся сердцем твоим, потому что я не сделал зла никому, кто добровольно решился служить Навуходоносору, царю всей земли.

1. «Не бойся сердцем твоим...» Боязнь сердцем — высшая степень боязни (ср. 1 Цар XXVIII:5: Саул «испугался и крепко дрогнуло сердце его»); поэтому и успокоение, направляющееся на нее, высшее успокоение.

2. И теперь, если бы народ твой, живущий в нагорной стране, не пренебрег мною, я не поднял бы на них копья моего; но они сами это сделали для себя.

2. «Я не поднял бы на них копья моего», для того чтобы воевать с ним, «но они сами это сделали для себя», т. е. сами вызвали поднять на них копье мое, воевать с ними.

3. Скажи же мне: почему ты бежала от них и пришла к нам? Ты найдешь себе здесь спасение; не бойся: ты будешь жива в эту ночь и после,

3. Вопрос Олоферна: «скажи же мне: почему ты бежала от них и пришла к нам?» — дает понять, что Олоферн был уже в значительной степени подготовлен и уведомлен слугами об Иудифи ее же словами ([X:12](#) и д.) о побуждениях и цели ее прихода, и, задавая ей прямой вопрос об этом, он выражает желание еще раз лично из ее уст и обстоятельнее расспросить ее обо всем. Это было большим залогом успеха намерений Иудифи.

4. потому что тебя никто не обидит, напротив, всякий будет благодетельствовать тебе, как бывает с рабами господина моего, царя Навуходоносора.

5. Иудифь сказала ему: выслушай слова рабы твоей; пусть раба говорит пред лицом твоим: я не скажу лжи господину моему в эту ночь.

5. Излагая побуждения и цель своего прихода в лагерь неприятельский, Иудифь сознательно и, по-видимому, не столь пристойно для своей нравственной личности допускает ложь, обман, коварство, от начала до конца проникая ими свою длинную и заискивающую перед Олоферном речь. В самом начале речи она торжественно уверяет: «я не скажу лжи господину моему в эту ночь», далее, она обещает ему: «Бог через тебя совершит дело, и господин мой не ошибется в своих предприятиях». После еще нескольких льстивых комплиментов самолюбию Олоферна Иудифь приводит, быть может, невыдуманный ею факт из жизни осажденных, делая из него, однако, также материал для обмана Олоферна. Она сообщает, что крайний недостаток в пище скоро заставит осажденных устремиться на нечистую запрещенную законом пищу и, далее, на святотатственное прикосновение к освященным начаткам пшеницы, вина и масла, хотя и с разрешения на то собрания Иерусалимских старейшин. Сама Иудифь, однако, более строго смотрит на дело и, ожидая строжайшего наказания от Бога особенно за последнее преступление (святотатство), провидит и орудие этого наказания и именно в Олоферне, для содействия которому и ее послало само откровение, обязав ее стать на высоте долга и послушания, более сильного и строгого, чем чувства патриотизма и естественного сострадания. Ссылка на откровение, особенно располагавшая к доверию Иудифи, доводит ее ложь до крайней степени, близко граничащей с кощунством, и заставляет придумывать особенно сильные основания для оправдания и извинения Иудифи.

Выше уже было замечено (см. коммент. к [VII:13](#) ст.), что сама по себе хитрость Иудифи имела свои оправдания и свое извиняющее значение во всем этом приключении с Олоферном. Конечный результат этой хитрости — смертельный удар Олоферну рукой Иудифи и судом Божиим. Но раз этот результат рассматривается под таким освещением, очевидно, и все предшествующее и подготовлявшее успех этого результата должно в нем же и общее с ним иметь оправдание. Брать в отдельности тот или другой фазис, какими развивалось дело Иудифи столь искусно и сплошь сотканное из обольщения, хитрости и коварства этой высшей силы женской слабости, избранной Богом в посрамление человеческой гордости и заносчивости, — нельзя. Иначе, мы, хотя и правильно обсудим по существу отдельные подробности дела Иудифи, — однако погрешим против общего значения этого дела, как мы указали — достаточно извинительного и даже столь прославительного для Иудифи. Немало ослабляется предосудительность поведения Иудифи в тех местах, где она более или менее очевидно допускает двусмысленность речи ([XI:16](#); [XII:4](#), [18](#) и др.) или представляет за действительное — лишь возможное, употребляя живость речи, свойственную особенно пророческому изображению будущего и возможного. Как бы то ни было, все поведение Иудифи должно в конце концов оправдываться ее высоко достойной личностью, торжественно засвидетельствованной многими местами книги, и всем ходом и столь славным для всего иудейского народа успехом ее отважного дела, важного и для спасения священнейших достояний религии иудеев.

6. И если ты последуешь словам рабы твоей, то Бог чрез тебя совершит дело, и господин мой не ошибется в своих предприятиях.

7. Да живет Навуходоносор, царь всей земли, и да живет держава его, пославшего тебя для исправления всякой души, потому что не только люди чрез тебя будут служить ему, но и звери полевые, и скот, и птицы небесные чрез твою силу будут жить под властью Навуходоносора и всего дома его.

8. Ибо мы слышали о твоей мудрости и хитрости ума твоего, и всей земле известно, что ты один добр во всем царстве, силен в знании и дивен в воинских подвигах.

7–8. Исключительные похвалы и льстивые слова, какие обильно расточает Иудифь пред Олоферном не представляли ничего, конечно, странного и подозрительного для избалованного похвалами и лестью восточного царедворца. И Иудифь здесь еще далеко не входит, так сказать, в «азарт» своей хитрости, позволяя себе пересаливать в похвалах пока совершенно в духе сынов Востока, изощряющих донине свою фантазию до подобных же перлов красноречивой лести в обращении с теми, кому надобно явить знаки высокого уважения.

9. А что говорил Ахиор в собрании твоём, мы слышали слова его, потому что мужи Ветилуи оставили его в живых, и он рассказал им все, о чем говорил тебе.

10. Посему, владыка-господин, не оставляй без внимания слова его, но сложи его в сердце твоём, потому что оно истинно: род наш не наказывается, меч не имеет силы над нами, если они не грешат пред Богом своим.

9–10. Показывая особливую правдивость, беспристрастие, прямоту, искренность, Иудифь подтверждает истину слов Ахиора об иудеях, что «меч не имеет силы над ними, если они не грешат пред Богом своим». И как бы поспешая избегнуть за откровенное исповедание этой истины участи Ахиора, Иудифь обнадеживает Олоферна уверением, что это положение перестало иметь положительную силу для иудеев, а наоборот — дает теперь всю силу и

время действовать Олоферну.

11. Итак, чтобы господин мой не был отражен и безуспешен, и чтобы их постигла смерть, — овладел ими грех, которым они прогневляют Бога своего, делая то, чего не следует;

12. потому что у них оказался недостаток в пище и вся вода истощилась, — и вот, они решились броситься на скот свой и думают питаться всем, что Бог строго запретил в законе Своем употреблять в пищу.

13. Даже начатки пшеницы и десятины вина и масла, которые, по освящении, хранятся для священников, предстоящих пред лицом Бога нашего в Иерусалиме, они решились употребить; тогда как и руками касаться их не следовало никому из народа.

14. Они послали в Иерусалим, так как и тамошние жители делали это, принести к ним разрешение на то собрания старейшин.

15. И как скоро им дано будет известие, и они сделают это, то в тот же день будут преданы тебе на погубление.

11–15. Иудеи допустили то, что одно могло сделать и сделало их бессильными, обеспечив над ними полную победу Олоферна. Ими уже *«овладел грех, которым они прогневляют Бога своего, делая то, чего не следует»* (решив употреблять в пищу запрещенное Богом или дозволенное только освященным служителям Божиим). Впрочем, фактически они еще не привели в исполнение своей преступной решимости, и нужно еще выждать момент, когда преступление совершится и они будут окончательно обречены на гибель.

16. Вот почему я, раба твоя, узнав обо всем этом, бежала от них, и Бог послал меня сделать вместе с тобою такие дела, которым изумится вся земля, где только услышат о них,

17. ибо раба твоя благочестива и день и ночь служит Богу Небесному.

Теперь, господин мой, я останусь у тебя; только пусть раба твоя по ночам выходит на долину молиться Богу, — и Он откроет мне, когда они сделают свое преступление.

18. Я приду и объявлю тебе, и ты выходи тогда со всем твоим войском, — и никто из них не противостанет тебе.

19. Я поведу тебя чрез Иудею, доколе не дойдем до Иерусалима; поставлю среди его седалище твое, и ты погонишь их, как овец, не имеющих пастуха, — и пес не пошевелит против тебя языком своим. Это сказано мне по откровению и объявлено мне, и я послана возвестить тебе.

16–19. Несколько преждевременный уход от иудеев Иудифь, как следует из ее слов, предпринимает во избежание всякого соучастия ожидаемому их преступлению; с другой стороны, эта преждевременность обещает Олоферну помочь точнее выбрать момент, обеспечивающий успех нападения при содействии Иудифи, которая имеет получить откровение о совершившемся грехопадении народа от Самого Бога. Все это было слишком правдоподобно, чтобы в связи с чарующею красотой иудеянки подействовать на Олоферна и объяснить его легковерие к ней и отсутствие всякой предосторожности.

20. Понравились слова ее Олоферну и всем слугам его. Они дивились мудрости ее и говорили:

21. от края до края земли нет такой жены по красоте лица и по разумным речам.

22. Олоферн сказал ей: хорошо Бог сделал, что вперед этого народа послал тебя, чтобы в руках наших была сила, а среди презревших господина моего — гибель.

23. Прекрасна ты лицом, и добры речи твои. Если ты сделаешь, как сказала, то твой Бог будет моим Богом; ты будешь жить в доме царя Навуходоносора и будешь именита во всей земле.

23. Первая стадия предприятия Иудифи кончается полным успехом. Еще недавно так надменный язычник заявляет, что исполнение слов о победе над иудеями будет его покорением Богу Израилеву: *«Твой Бог будет моим...»* Правда, многие комментаторы полагали, что Олоферн хотел лишь польстить Иудифи этим обещанием, что было важно для его нечистых намерений против нее, однако, едва ли было особенно нужно. И гораздо, поэтому, естественнее представлять дело так, что Олоферн вполне поддался неотразимой убедительности и силе обаяния речей Иудифи и пресерьезно вообразил, что после такого блестящего результата признание Бога Иудифи будет для него вполне естественно и приятно.

1–9. Три дня в лагере Олоферна. 10–20. Пир с приглашением Иудифи.

1. И приказал ввести ее туда, где хранились серебряные сосуды его, и велел ей пользоваться пищею от стола его и пить вино его.

1. «Туда, где хранились серебряные сосуды его...», т. е. в столовую комнату, для которой эти сосуды были также богатым украшением.

2. Но Иудифь сказала: не буду есть этого, чтобы не было соблазна, но пусть подадут мне то, что принесено со мною.

2. Надлежит отметить здесь мудрую осторожность Иудифи при объяснении причин отказа от пищи Олоферна. Она избегает обнаружить свое нерасположение к пище язычников, как нечистых с точки зрения позднейшего иудея, а переводит центр тяжести на род самой *пищи*, запрещенной Богом в законе иудейском. Это должно было еще более укреплять доверие к Иудифи, только что объяснявшей свое бегство от иудеев именно ревностью к закону, подвергавшемуся опасности подобного же нарушения вкушением священного, неприкосновенного.

3. Олоферн сказал ей: а когда истощится то, что с тобою, откуда мы возьмем, чтобы подавать тебе подобное этому? Ибо среди нас нет никого из рода твоего.

3. «Среди нас нет никого из рода твоего», т. е., кто бы мог добыть законную пищу и уметь приготовить ее для Иудифи согласно ее вкусам и убеждениям.

4. Иудифь отвечала ему: да живет душа твоя, господин мой; раба твоя не издержит того, что со мною, прежде, нежели Господь совершит моею рукою то, что Он определил.

4. «*Да живет душа твоя, господин мой!*» — особый род клятвы, укрепляющейся на силе пожелания здоровья тому, пред кем клянутся и кого желают видеть непременно свидетелем исполнения того, что подтверждается этой клятвой.

«*Раба твоя не издержит того, что со мною, прежде, нежели Господь совершит мою рукою то, что Он определил*». Таким искусным двусмысленным выражением Иудифь обозначает самый предмет или содержание клятвы, рассеивающей последние сомнения Олоферна. Замечательна здесь также та уверенность, с какою Иудифь трактует задуманное ею дело, как дело непосредственно руки и определения Божия. Очевидно, так может говорить и действовать только истинная избранница и посланница Божия, как бы ни рассуждать о намерениях ее историка, давшего столь назидательное и увлекательное о ней повествование.

5. И ввели ее слуги Олоферна в шатер, и спала она до полночи; а пред утреннею стражею встала

5. «*Ввели ее слуги Олоферна в шатер*» — это был, вероятно совершенно особый, никем не занятый шатер, неподалеку от шатра Олоферна (ср. [XIV:17](#)). Последнее подтверждается тем, что телохранители Олоферна были и телохранителями Иудифи (7 ст.).

6. и послала сказать Олоферну: да даст господин мой повеление, чтобы рабе твоей дозволили выходить на молитву.

6. «*Да даст господин мой повеление, чтобы рабе твоей дозволили выходить на молитву*». С этой просьбой Иудифь обращается и ранее к Олоферну [XI:17](#): «*пусть раба твоя по ночам выходит на долину молиться Богу*», причем указывается важное объяснение и этих выходов, и самих молитв: «*Он (Бог) откроет мне, когда они (иудеи) сделают свое преступление*» (ср. [XI:13-15](#)).

«*Рабе твоей*», «*раба твоя*» — суть выражения не только почтительнейшей вежливости, но и действительной зависимости, находящей свою приятность при великодушии и благонамеренности являющегося в отношении к этой рабе «господином».

7. Олоферн приказал своим телохранителям не препятствовать ей. И пробыва она в лагере три дня, а по ночам выходила в долину Ветилуи, омывалась при источнике воды у лагеря.

7. «*Омывалась при источнике воды у лагеря*» — для очищения от неизбежных

прикосновений к язычникам и языческому, нарушавших чистоту иудея, по его воззрениям.

8. И, выходя, молилась Господу, Богу Израилеву, чтоб Он направил путь ее к избавлению сынов Его народа.

8. «Выходя, молилась», т. е. выходя из воды источника, служившего для ее омовений.

9. По возвращении она пребывала в шатре чистою, а к вечеру приносили ей пищу.

10. В четвертый день Олоферн сделал пир для одних слуг своих и не пригласил к услужению никого из приставленных к службам.

10. На устроенный ради Иудифи пир Олоферн пригласил *«одних слуг своих и не пригласил к услужению никого из приставленных к службам»*, т. е. пригласил лишь ближайших, высших лиц своей свиты, и отстранил от участия в пире должностных лиц, чиновников, приставленных к делам, (προς ταίς χρεΐαις). Это было сделано, очевидно, потому, что большое общество гостей и многочисленные свидетели были бы совсем неудобны для достижения его нечистых видов на Иудифь, которую он решился овладеть.

11. И сказал евнуху Вагою, управлявшему всем, что у него было: ступай и убеди Еврейскую женщину, которая у тебя, придти к нам и есть и пить с нами:

11. Имя евнуха — Вагой (Ваγώας) — персидское — довольно часто встречается именно при обозначении имени евнухов. *«Убеди еврейскую женщину, которая у тебя»* — т. е. под твоей охраной и попечением.

12. стыдно нам оставить такую жену, не побеседовав с нею; она осмеет нас, если мы не пригласим ее.

12. *«Стыдно нам оставить такую жену, не побеседовавши с нею, она осмеет нас, если мы не пригласим ее».* Оправдывая такой очевидной натяжкой приглашение Иудифи перед Вагоем, Олоферн или хотел замаскировать от Вагоя и других свое действительное намерение в отношении к Иудифи или просто подсказывал Вагою, в какой деликатной форме он должен сделать приглашение Иудифи, чтобы не слишком озадачить ее и избежать необходимости употребить по отношению к ней явное насилие.

13. Вагой, выйдя от Олоферна, пришел к ней и сказал: не откажись, прекрасная молодая женщина, придти к господину моему, чтобы принять честь пред лицом его и пить с нами вино в веселие и быть в этот день как одною из дочерей сынов Ассира, которые предстоят в доме Навуходоносора.

13. Приглашение Иудифи Вагоем действительно делается в выражениях достаточно деликатных, хотя и достаточно прозрачно намекающих на то, что может ожидать Иудифь (*«быть... как одною из дочерей сынов Ассира, которые предстоят в доме Навуходоносора»*).

14. Иудифь сказала ему: кто я, чтобы прекословить господину моему? поспешу исполнить все, что будет угодно господину моему, и это будет служить мне утешением до дня смерти моей.

14. Для собственных целей Иудифи ничего не могло быть лучше и желательнее сделанного ей приглашения, и она вполне могла выразить радость по поводу этого приглашения и полную готовность на все, показав вид слабого сопротивления как бы из желания соблюсти хотя тень женской скромности и деликатности: *«кто я, чтобы прекословить господину моему?»* Некоторые толковники, правда, понимали и иначе ответ Иудифи, разумея под греческим *κῦριος* Господа Бога (*«поспешу исполнить все, что будет угодно господину моему»* — Господу моему) и добавляя к слову *«все»* ограничение *«насколько это согласно будет с моею честью и долгом»*; однако никакой нужды для указанного искажения слов Иудифи нет; она вполне могла сказать так, как сказала, не обещая ничего — более того, что действительно входило в ее планы и двусмысленно для Олоферна имело быть *«до дня смерти»* ее *«утешением»*.

15. Она встала и нарядилась в одежду и во все женское украшение; а служанка ее пришла и разостлала для нее на земле пред Олоферном ковры, которые она получила от Вагоя для всегдашнего употребления, чтобы есть, возлежа на них.

16. Затем Иудифь пришла и возлегла. Подвиглось сердце Олоферна к ней, и душа его взволновалась: он сильно желал сойтись с нею и искал случая обольстить ее с того самого дня, как увидел ее.

16. *«Душа его (Олоферна) взволновалась»*: душа здесь — как седалище чувственности, сладострастия.

17. И сказал ей Олоферн: пей же и веселись с нами.

18. А Иудифь сказала: буду пить, господин, потому что сегодня жизнь моя возвеличилась во мне больше, нежели во все дни от рождения моего.

18. *«Сегодня жизнь моя возвеличилась во мне больше, нежели во все дни от рождения моего»*.

Удивительно тонкая двусмысленность, соединяющая в себе всю недвусмысленность — разную и диаметрально противоположную для говорящего и слушающего. Для Олоферна эти высокопарно льстивые слова были недвусмысленны, обещая ему успешное достижение его похотливых вожделений. Для Иудифи эти слова были недвусмысленны, выражая ее торжественную уверенность в близкой гибели Олоферна и избавлении от него иудеев ее рукою.

19. И она брала, ела и пила пред ним, что приготовила служанка ее.

20. А Олоферн любовался на нее и пил вина весьма много, сколько не пил никогда, ни в один день от рождения.

19–20. *«И она брала, ела и пила пред ним, что приготовила служанка ее»*. Таким образом, Иудифь и на пиру остается при прежней строгости в отношении к пище. Зато Олоферн забывает всякую осторожность и, польщенный мнимой победой сердца Иудифи, напивается так, как *«никогда, ни в один день от рождения»*.

1–3. Иудифь остается наедине с опьяневшим Олоферном. 4–9. Убиение Олоферна. 10–12. Благополучный выход из неприятельского лагеря. 13–16. Прибытие в Ветилую и рассказ о подвиге. 17–20. Восторг народа и Озии.

1. Когда поздно стало, рабы его поспешили удалиться, а Вагой, отпустив предстоявших пред лицом его господина, затворил шатер снаружи, и они пошли к постелям своим, так как все были утомлены продолжительностью пира.

1. «Рабы его (Олоферна) поспешили удалиться, а Вагой, отпустив предстоявших пред лицом его господина, затворил шатер снаружи». Упоминаемые здесь «рабы» Олоферна и «предстоявшие пред лицом его», по-видимому, суть одни и те же лица, а не разные. Это ясно из параллельного места в [VI:10](#), где читаем: «и приказал Олоферн рабам своим, предстоявшим в шатре его, взять Ахиора».

2. В шатре осталась одна Иудифь с Олоферном, упавшим на ложе свое, потому что был переполнен вином.

3. Иудифь велела служанке своей стать вне спальни ее и ожидать ее выхода, как было каждый день, сказав, что она выйдет на молитву. То же самое сказала она и Вагою.

3. Распоряжение служанке Иудифи стать вне спальни ее и ожидать ее выхода дано было Иудифью, понятно, еще ранее, пред началом пира ([XII:15](#)), о чем она предусмотрительно предупредила и Вагоя.

4. Когда все от нее ушли и никого в спальне не осталось, ни малого, ни большого, Иудифь, став у постели Олоферна, сказала в сердце своем: Господи, Боже всякой силы! призри в час сей на дела рук моих к возвышению Иерусалима,

4. «Не осталось — ни малого, ни большого» — греч.: ἄπο μικροῦ ἕως μεγάλου — «от

малого до большого», как этой переведено дальше, [XIII:13](#) ст.

«Сказала в сердце своем» — ср. 1 Цар I:13 «*Анна (мать Самуила) говорила в сердце своем, а уста ее только двигались, и не было слышно голоса ее*». Вульгата добавляет, что молитва Иудифи сопровождалась также слезами: *cum lacrymis et labiorum motu in silentio*.

5. ибо теперь время защитить наследие Твое и исполнить мое намерение, поразить врагов, восставших на нас.

6. Потом, подойдя к столбику постели, стоявшему в головах у Олоферна, она сняла с него меч его

7. и, приблизившись к постели, схватила волосы головы его и сказала: Господи, Боже Израиля! укрепи меня в этот день.

7. «Схватила волосы головы его» — букв.: «забрала горстью» (εδράζατο, от корня дрáζ — «горсть»), для того чтобы удобнее и вернее нанести удар.

8. И изо всей силы дважды ударила по шее Олоферна и сняла с него голову

9. и, сбросив с постели тело его, взяла со столбов занавес. Спустя немного она вышла и отдала служанке своей голову Олоферна,

10. а эта положила ее в мешок со съестными припасами, и обе вместе вышли, по обычаю своему, на молитву. Пройдя стан, они обошли кругом ущелье, поднялись на гору Ветилуи и пошли к воротам ее.

9–10. «Сбросив с постели тело его». — Из дальнейшего ([XIV:15](#)) видим, что это тело оказалось даже у порога, куда Иудифь затащила и бросила его для большего позора и презрения, взяв с собою голову, как блестящий трофей «своей победы».

«Взяла со столбов занавес», чтобы завернуть в него голову и скрыть сочившуюся из нее кровь. «Спустя немного она вышла». Некоторое промедление по совершении своего дела

было необходимо для Иудифи, которая, по представлениям оставивших ее в шатре с Олоферном, конечно, могла быть не так поспешно отпущена им. По-видимому, Иудифи удалось пройти совершенно незамеченной никем, так что даже Вагой, при наступлении уже утра, думал, что Олоферн еще спит с Иудифью, и не сразу решился заглянуть в шатер ([XIV:14-15](#)). Если стража, быть может, и видела ее выходящей из лагеря, то посмотрела и на этот раз спокойно, как на обычный выход ее на молитву, без всяких подозрений, тем более, что о пире у Олоферна едва ли даже и знали многие, так как он состоялся при участии лишь немногих приближенных наперсников Олоферна.

11. Иудифь издали кричала сторожившим при воротах: отворите, отворите ворота! с нами Бог, Бог наш, чтобы даровать еще силу Израилю и победу над врагами, как даровал Он и сегодня.

12. Как только услышали городские мужи голос ее, поспешили придти к городским воротам и созвали старейшин города.

13. И сбежались все, от малого до большого, так как приход ее был для них сверх ожидания, и, отворив ворота, приняли их и, зажегши для освещения огонь, окружили их.

11–13. Глубокая ночь царила над землей не только в то время, когда Иудифь действовала в шатре и пока проходила лагерь — как привыкли думать, идя на молитву, но и в тот момент, когда она уже была далеко от врагов и подходила к воротам родного города. Ночное время объясняет то, что Иудифь еще *издали* кричит стражам городских ворот, чтобы они отворили их и, узнав ее по голосу, не приняли за неприятеля. Конечно, и желание скорее поделиться радостным чувством с земляками (а также и боязнь погони) имело здесь не второстепенное значение, тем более, что процедура открытия ворот требовала непременно созвания и присутствия старейшин города. Пока старейшины были уведолены и со множеством народа, который с быстротой молнии облетела весть о приходе Иудифи, сбежались к воротам («*все — от малого до великого*»), Иудифь уже была у ворот. Было все еще так темно, что ее встретили, «*зажегши для освещения огонь*».

14. Она же сказала им громким голосом: хвалите Господа, хвалите, хвалите Господа, что Он не удалил милости Своей от дома Израилева, но в эту ночь сокрушил врагов наших моею рукою.

15. И, вынув голову из мешка, показала ее и сказала им: вот голова

Олоферна, вождя Ассирийского войска, и вот занавес его, за которым он лежал от опьянения, — и Господь поразил его рукою женщины.

16. Жив Господь, сохранивший меня в пути, которым я шла! ибо лице мое прельстило Олоферна на погибель его, но он не сделал со мною скверного и постыдного греха.

14–16. «Хвалите Господа, хвалите, хвалите Господа...» — выражение восторженнейшей радости и высочайшего величия совершившегося. «В эту ночь (Господь) сокрушил врагов наших моею рукою». Гибель Олоферна Иудифь здесь (и выше, [XIII:5](#) и [11](#), ср. также 17 ст.) представляет как поражение всего множества врагов Израиля, которые теперь, даже и при превосходстве силы, не могли продолжать войны, снедаемые стыдом и позором за своего так бесславно погибшего вождя.

Голова Олоферна в руках Иудифи и занавес, «за которым он лежал от опьянения» — намекнули народу на возможность страшной цены, которую Иудифь, по-видимому, только и могла добыть столь блестящие трофеи (возможность пожертвования целомудрием). Предупреждая эти подозрения, Иудифь торжественно заверяет с клятвою, что Бог сохранил ее невредимой в ее целомудрии, и все самопожертвование ее ограничилось лишь претерпением похотливых взглядов сладострастника на ее лицо, прельщение которым и доставило ему погибель.

17. Весь народ чрезвычайно изумился; пали, поклонились Богу и единодушно сказали: благословен Ты, Боже наш, униживший сегодня врагов народа Твоего!

17. «Весь народ чрезвычайно изумился» — с одной стороны — чрезвычайно тонкому и искусному плану Иудифи, с другой — тому, что он осуществился для нее так легко и удачно, при всей своей чрезвычайной рискованности и смелости.

18. А Озия сказал ей: благословенна ты, дочь, Всевышним Богом более всех жен на земле, и благословен Господь Бог, создавший небеса и землю и наставивший тебя на поражение головы начальника наших врагов;

18. После народа прославляет Бога и благословляет Иудифь особо Озия, как главный представитель народа, причем называет ее «дочерью», показывая особо ласковое и

дружественное обращение.

19. ибо надежда твоя не отступит от сердца людей, помнящих силу Божию, до века.

19. «Ибо надежда твоя не отступит от сердец людей, помнящих силу Божию до века», т. е. надежда твоя на Бога, которая столь одушевляла тебя в этот изумительный подвиг не перестанет быть никогда предметом живого сердечно-признательного воспоминания всех, дорожащих воспоминаниями всякого проявления силы Божией.

20. Да вменит тебе это Бог в вечную славу и да наградит тебя благами за то, что ты жизни твоей не пощадила при унижении рода нашего, но выступила вперед, когда мы падали, ты, право ходившая пред Богом нашим. И весь народ сказал: да будет, да будет!

20. «Ты жизни своей не пощадила при унижении рода нашего». — Величие риска и страшная опасность действительно делали подвиг Иудифи истинно геройским *непощадением жизни*, хотя счастье и возвратило эту добровольно отданную на смерть жизнь к прежней безопасности и целостности.

Народ закрепляет благословение Озией Иудифи заключительным «*аминь аминь!*» — как и в других подобных по важности случаях, напр., [XV:10](#) (ср. также 2 Езд IX:47 и др.).

1–4. Совет Иудифи о выступлении против врагов. 5–10. Сцена с Ахиором. 11–13. Выступление иудеев и приготовления ассирийцев. 14–19. Обнаружение гибели Олоферна и впечатление, произведенное этим событием на войско ассирийское.

1. Иудифь сказала им: послушайте же меня, братья, возьмите эту голову и повесьте на зубцах вашей стены.

2. Когда же настанет утро и солнце взойдет над землю, возьмите каждый боевое свое оружие, идите все сильные за город и дайте им вождя, как будто намереваясь сойти на равнину против передовой стражи сынов Ассура, но не сходите.

3. Тогда они, взяв все свое оружие, пойдут в свой стан, разбудят вождей войска Ассирийского, и сбегутся к шатру Олоферна, но не найдут его; оттого нападёт на них страх, и они побегут от вас.

4. А вы и все живущие во всяком пределе Израильском, преследуя их, поражайте их на пути.

1–4. Иудифь еще не признает дела своего оконченным. Успеху ее подвига и блестящему его завершению должно было немало содействовать дальнейшее, причем она и теперь продолжает действовать с той же, как и прежде, уверенностью и пророчески верной точностью, расчетливостью и убежденностью. Дав совет — вывесить голову Олоферна на зубцах городской стены, она предлагает всем сильным вооружиться, ранним утром выйти за город в боевом порядке и отнюдь не выступая пока далее на равнину показать вид, что они вышли для решительного наступления. Это заставит врагов обнаружить гибель своего вождя в наиболее удачную для иудеев минуту, минуту сознания вышей необходимости в вожде, что осилит и впечатление от обнаружения гибели его до такой крайней степени, что они побегут от одного страха, и иудеям останется только преследовать их в полном замешательстве до полного поражения.

5. Но прежде, чем сделаете это, пригласите ко мне Ахиора Аммонитянина: пусть увидит и узнает он того, кто уничижал дом Израиля и прислал его к нам будто на смерть.

5. Иудифь велит призвать Ахиора, чтобы — с одной стороны — лучше подтвердилась принадлежность головы именно Олоферну, с другой — чтобы он мог успокоиться относительно своей участи и вообще, чтобы произошло то, что по убеждению Иудифи — и должно было произойти и действительно тотчас же и произошло — окончательное уверование Ахиора в силу и величие Бога Израилева и присоединение «к дому Израилеву».

6. И призвали Ахиора из дома Озии. Когда он пришел и увидел голову Олоферна в руке одного мужа среди собрания народа, то пал на лице свое и ослабел духом.

6. Вид головы Олоферна производит на Ахиора сильнейшее впечатление: он «пал на лице свое и ослабел духом» так, что уже другие «подняли его» (7 ст.). Его не радует гибель человека, поступившего в отношении к нему так несправедливо и бесчеловечно, приговорившего его к смерти, — но поражает величие события, в котором с такой ясностью оправдалась высказанная им вера в особое покровительство Бога израильского своему народу и в особливую силу и величие этого Бога, совершившего столь страшное и едва вероятное дело рукою слабой женщины. В ушах Ахиора должны были еще ясно звучать гордые и самонадеянные речи на Бога Израилева и на народ Его, и сопоставление горькой действительности с этими речами и вызывающим видом недавнего богохульника, естественно, не могло не произвести в духе его решительного и совершеннейшего переворота, предварившегося сильнейшим душевным потрясением.

7. Когда же подняли его, он припал к ногам Иудифи, поклонился ей и сказал: благословенна ты во всяком селении Иуды и во всяком народе, которые, услышав об имени твоём, изумятся.

8. Расскажи же мне теперь, что ты делала в эти дни? И Иудифь среди народа рассказала ему все, что она сделала с того дня, как вышла, до того дня, в который говорила с ними.

8. «Расскажи же мне теперь, что ты делала в эти дни?» — Рассказ Ахиору Иудифи о своем подвиге был вместе рассказом и всему народу («среди народа»), который еще не слышал об этом обстоятельном и подробном сообщении.

9. Когда она перестала говорить, народ громко воскликнул, и радостный крик его раздался в городе.

10. Ахиор же, видя все, что сделал Бог Израилев, искренно уверовал в Бога, обрезал крайнюю плоть свою и присоединился к дому Израилеву, даже до сего дня.

9–10. Подробное сообщение Иудифи о своем изумительном подвиге еще раз исторгло из облегченной груди народа радостные клики восторга, разнесшиеся по всему городу. Что касается Ахиора, то он *«искренно уверовал в Бога, обрезал крайнюю плоть свою и присоединился к дому Израилеву даже до сего дня»*. Сопоставляя это сообщение с параллельным местом Второзакония, XXIII:3 (*«Аммонитянин и Моавитянин не может войти в общество Господне, и десятое поколение их не может войти в общество Господне во веки»*) — нужно, по-видимому, так согласовать их в их кажущемся противоречии: указываемое Второзаконием ограничение до *десятого поколения* касается, по-видимому, лишь потомков тех аммонитян, которые ближайшим образом вызвали некогда это ограничение своей враждой на народ Божий, шедший в землю ему обетованную. За пределами десятого поколения от этих, современных эпохе Исхода, аммонитян означенное ограничение и запрещение естественно могло терять свою силу; это-то самое и видим в данном случае на Ахиоре в его присоединении к дому Израилеву.

Иначе представлять дело не позволяет уже то соображение, что иудеи ставшие особенно чуткими ко всяким подобным предписаниям закона в это именно время, никак не поступились бы этим законом в пользу хотя бы и Ахиора, если бы означенное ограничение и запрещение относительно аммонитян имело одинаковую силу на все времена и поколения.

«Присоединился (Ахиор) к дому Израилеву даже до сего дня». Это последнее выражение могло означать и не то, что сам Ахиор был жив в момент написания автором этих строк, а и то, напр., что он был жив в своих потомках, продолжавших считать себя членами общества Израилева, ничем не отличающихся от настоящих потомков Авраама.

11. Когда настало утро, повесили голову Олоферна на стену; каждый муж взял свое оружие, и вышли отрядами на всходы горы.

12. Сыны Ассура, увидев их, послали к своим начальникам, а они пошли к вождям, к тысяченачальникам и ко всякому предводителю своему.

13. Придя к шатру Олоферна, они сказали управлявшему всем именем его: разбуди нашего господина, потому что эти рабы осмелились выйти на сражение с нами, чтобы быть совершенно истребленными.

13. «Сказали управлявшему всем именем его». Некоторые рукописи прямо называют и самое имя этого управлявшего — Вагой. Это подтверждается и дальнейшим 14 стихом, где именно Вагой, исполняя требование начальников, идет будить своего господина.

«Эти рабы осмелились...» По мнению некоторых из исследователей, слово *рабы* (οἱ δοῦλοι) появилось здесь как результат смешения переводчиком в еврейском оригинале слов ??? (евреи) и ??? (рабы). Смещение этих слов, различающихся по начертанию всего в одной букве, столь похожей в обоих случаях одна на другую, действительно весьма возможно, и недаром в списке, напр., древне-латинском (Vet. Lat.) в указанном месте вместо выражения «рабы» действительно встречаем выражение: «сыны Израиля» (filii Israel), хотя это и сделано — как полагают — не потому, чтобы переводчик хотел быть более *точным* в переводе, а просто по самовольному изменению, желая быть более ясным.

Как бы то ни было, только и выражение «рабы» вполне уместно и не менее подходяще здесь, чем всякое другое. Оно особенно хорошо оттеняет самонадеянное и презрительное, высокомерное чувство ассириян по отношению к евреям, которых они считали как бы уже преданными во власть Навуходоносора, и на их воинственный задор хотели смотреть лишь как на ничтожнейшее безрассудство.

Против смешения ??? и ???, отчего будто бы вместо «евреи» появилось «рабы» — говорит, по-видимому, и то, что в дальнейшем 18 стихе переводчик не мог не заметить и не исправить своего недосмотра, переводя рядом с сомнительным, и уже совершенно правильно, подобное же выражение Вагой о «Еврейской женщине, опозорившей дом Навуходоносора убийством Олоферна: *μία γυνή τῶν Ἑβραίων*.

«Осмелились выйти на сражение с нами, чтобы быть совершенно истребленными» — новый образчик высшей самонадеянности и презрительного отношения ассириян к наступательному движению евреев.

14. Вагой вошел и постучался в дверь шатра, ибо думал, что он спит с Иудифью.

14. «Вагой... думал, что он (Олоферн) спит с Иудифью». См. выше коммент. к [XIII:9-10](#). Вагой удалился последним от шатра Олоферна, затворив его в нем с Иудифью, и, подобно другим, утомленным продолжительностью пира, вероятно, так же скоро предался глубокому сну на постели своей ([XIII:1](#) ст.). Вполне возможно, что ни он, ни другой кто из участников и свидетелей происшедшего, не заметили подозрительно скорого выхода Иудифи из шатра. Те же, которые могли увидеть ее уже вдали от шатра, совершенно не могли найти в этом чего-либо подозрительного, будучи приучены несколько ночей подряд к подобным ее экскурсиям (см. выше, к [XIII:9-10](#) ст.).

15. Когда же никто не отзывался ему, то, отворив, вошел в спальню и нашел, что Олоферн мертвый лежит у порога и голова его снята с него.

16. И он громко воскликнул с плачем, стоном и крепким воплем, и разорвал свои одежды.

17. Потом вошел в шатер, в котором пребывала Иудифь, и не нашел ее. Тогда он выскочил к народу и закричал:

18. рабы поступили вероломно; одна Еврейская жена опозорила дом царя Навуходоносора, ибо вот Олоферн на полу, и головы нет на нем.

16–18. От шатра Олоферна, по обнаружении убийства, Вагой идет к шатру Иудифи, отсутствие которой в шатре убитого прямо вело мысль к ней, как виновнице преступления. Отсутствие Иудифи и в своем шатре не оставляло в этом ни малейшего сомнения, что тотчас же и объявил Вагой — «с плачем, стоном и крепким воплем», разорвав свои одежды в знак величайшего горя.

«Рабы поступили вероломно». Вагой здесь или действительно представляет подвиг Иудифи осуществлением вероломно-хитрого плана всех иудеев, или просто только выражается обще, считая настоящей виновницей убийства одну Иудифь, но обвиняя вместе с нею и всех евреев, как таких, которым было нужно и приятно столь несчастное и позорное для ассириян событие.

«Еврейская жена опозорила дом царя Навуходоносора». Не так позорно было бы пасть в открытом, честном бою, как быть перехитренным и уничтоженным простой женщиной, при столь бесславной обстановке и условиях. Позор падал тем более мрачным пятном на весь «дом царя Навуходоносора», чем большим доверием и полномочиями от этого дома был наделен Олоферн, как наиболее опытный и главный вождь ассирийского войска, «второй» по Навуходоносоре ([II:4](#)).

19. Когда услышали эти слова начальники войска Ассирийского, то разорвали одежды свои, и душа их сильно смутилась, и раздался у них крик и весьма великий вопль среди стана.

19. Впечатление, произведенное страшным разоблачением гибели Олоферна — до того, что они не могли уже оказать энергичного сопротивления иудеям, — не совсем объяснимо одними психологическими законами. Несомненно, и Иудифь, верно предугадавшая это замешательство, утверждалась не на одних психологических соображениях. Ее уверенное предначертание событий ([XIV:3–4](#)) гораздо более утверждалось на вдохновенной вере в

содействие Божие, которое много раз и прежде в подобных же критических до крайности обстоятельствах выводило верных Иеговы на столь же победоносное и славное разрешение затруднений. И действительно, с потерей Олоферна, в сущности, для врага вовсе не было потеряно все. Гибель его должна была бы, кажется, только еще более ожесточить ассирийцев, и, оставаясь все еще неизмеримо превосходными и по силе и численности и выгодам положения, они имели еще все средства нанести вероломному городу страшный злобный удар. Очевидно, если вместо всего этого они бегут в полном замешательстве от ничтожной сравнительно горсти иудеев, падая массами от их ударов, то — бегут гонимые и поражаемые еще другою высшею силою, не нуждающеюся для своей победы в большом количестве воинов. Так оправдалась еще раз и столь блестяще великая Божественная истина: «бегают нечестивый ни единому же гонящу» (Притч XXVIII:1) — истина, особенно ярко выразившаяся в целом ряде славных побед Израиля в эпоху Исхода, при завоевании земли обетованной, во времена Иисуса Навина, Судей, Царств и на протяжении вообще всей истории Израиля.

1–7. Иудеи преследуют и поражают врагов. 8–10. Первосвященник и старейшины иерусалимские приходят «видеть Иудифь и приветствовать ее» благословениями. 11–14. Торжества народные по случаю победы.

1. Когда бывшие в шатрах слышали о том, что случилось, то смутились,

2. и напал на них страх и трепет, и ни один из них не остался в глазах ближнего, но все они бросившись бежали по всем дорогам равнины и нагорной страны.

1–2. «Ни один из них не остался в глазах ближнего». Каждый видел в другом усугубление своего страха, и в одиночном бегстве думал найти вернейшее спасение, облегчая для иудеев довершение поражения по отдельным маленьким частям. Такой смысл могут представлять приведенные слова. Можно понимать их и так, что бегство было всеобщее, без всяких исключений и одинаково у всех поспешное и беспорядочное.

3. И расположившиеся лагерем в нагорной стране около Ветилуи также обратились в бегство. Тогда сыны Израиля, каждый из них воинственный муж, погнались за ними.

3. «Расположившиеся лагерем в нагорной стране около Ветилуи» — т. е. идумеи и аммонитяне, ср. [VII:18](#).

4. Озия послал в Ветомасфем, Виваю, Ховаю и Холу и во все пределы Израильские, чтобы известить о совершившемся, и чтобы все погнались за неприятелями для истребления их.

4. «Озия послал в Ветомасфем, Виваю, Ховаю и Холу» — см. выше, к [IV:4](#), [6](#).

5. Как скоро слышали об этом сыны Израиля, все дружно напали на них

и поражали их до Ховы; равно и пришедшие из Иерусалима и из всей нагорной страны, так как им возвещено было о том, что случилось в стане врагов их, и из Галаада и Галилеи, со всех сторон наносили им большое поражение, доколе они не прошли за Дамаск и за пределы его.

6. Прочие жители Ветилуи напали на стан Ассирийский, разграбили его и весьма обогатились.

7. А сыны Израиля, возвратившиеся от поражения, овладели остальным; и села и деревни в нагорной стране и на равнине получили большую добычу, потому что ее было весьма многое множество.

8. Великий священник Иоаким и старейшины сынов Израилевых, жившие в Иерусалиме, пришли посмотреть, какое благо сотворил Господь для Израиля, и видеть Иудифь и приветствовать ее.

8. Первосвященник и старейшины иерусалимские *«пришли посмотреть, какое благо сотворил Господь для Израиля»*, т. е. пришли на месте разузнать дело, особенно *«видеть Иудифь и приветствовать ее»* — греч.: λαλήσαι μετ' αὐτῆς εἰρήνην — букв.: «поговорить с нею мир» (мирное, дружеское) = дружески, ласково побеседовать с нею, а также: «произнести над нею благословение».

9. Как только они вошли к ней, то все единодушно благословили ее и сказали ей: ты величие Израиля, ты великая радость Израиля, ты великая слава нашего рода.

10. Все это ты сделала твоею рукою; ты сделала добро Израилю, и да благоволит к нему Бог; будь же благословенна от Господа Вседержителя на вечное время. И весь народ сказал: да будет!

10. Имя *«Господа Вседержителя»* в позднейших еврейских книгах обычно составляет замену собственного имени *Иегова*, из благоговения не произносившегося и не употреблявшегося по пленными евреями.

11. Народ расхищал лагерь в продолжение тридцати дней, и Иудифи отдали шатер Олоферна и все серебряные сосуды, и постели, и чаши, и всю утварь его. Она взяла, возложила на мула своего, запрягла колесницы свои и сложила это на них.

11. «Народ расхищал лагерь в продолжение тридцати дней». Некоторые критики считали до невероятности преувеличенным это сообщение. Однако, невозможного здесь ничего нет. Надо не забывать, сколько стран и городов прошел по пути к Ветилуе Олоферн, унося все лучшее из них с собою как военную добычу. Этой-то добычи и могло достать для разграбления не столь многочисленным ветилуйцам на целый месяц, тем более, что она была, несомненно, раскидана на весьма обширном пространстве и могла быть находима лишь своего рода поисками, не сразу.

«Постели» — τὰς κλίνας — логи, софы, на которых возлежали за обедом и которые были украшением столовой комнаты и вообще шатра Олоферна.

12. И сбежались все жены Израильские видеть ее, и благословляли ее и составили из себя для нее хор; а она взяла в свои руки обвитые виноградными листьями жезлы и дала женщинам, бывшим с нею,

12. «Обвитые виноградными листьями жезлы (θύρσοις)» — это могли быть и просто сучки виноградных лоз, для держания в руках во время хороводов. Такие «жезлы» (фирсы) употреблялись и при торжествах языческих, как, напр., на празднествах Вакха, причем «жезлы» здесь употреблялись из плюща или виноградной лозы, обвитой сверху плющом.

13. и возложили на себя масличные венки — она и бывшие с нею. Она шла впереди всего народа в хоре и вела за собою всех жен; за нею следовали все мужи Израильские, вооруженные, с венками и с торжественными песнями в своих устах.

13. «Масличные венки» — как знаки мира и радости.

«Мужи Израильские» участвуют в торжествах «вооруженные» в знак того, что совершается праздник победы.

14. Иудифь начала пред всем Израилем благодарственную песнь, и весь народ подпевал эту песнь.

1–17. Хвалебная песнь Иудифи. 18–20. Заключение торжеств. 21–25. Последующая судьба Иудифи.

1. И сказала Иудифь: начните Богу моему на тимпанах, пойте Господу моему на кимвалах, стройно воспевайте Ему новую песнь, возносите и призывайте имя Его;

1. «Начните Богу моему... пойте Господу моему...» Иудифь выражает здесь свое особенное право именовать и считать Господа своим — как Таким, Который один мог сохранить ее жизнь в ее столь отчаянном подвиге. Который один Своєю помощью даровал ей совершить это страшное дело Его праведного суда и Которому исключительно одному она обязана всею жизнью и благополучием, в особенном и преимущественном смысле слова.

2. потому что Он есть Бог Господь, сокрушающий брани, потому что Он ополчился за меня среди народа и исторг меня из руки моих преследователей.

2. «Он ополчился за меня среди народа и исторг меня из руки моих преследователей» — греч.: εις παρεμβολάς αὐτοῦ ἐν μέσῳ λαοῦ ἐξείλατό με ἐκ χειρός καταδιωκόντων με, т. е. буквально: «в ополчение Его среди народа Он изъял меня от руки преследовавших меня», другими словами: «чтобы явить Свое ополчение (силу Своего заступничества за народ), Он выделил меня из среды остального народа и показали эту силу Свою на мне, исторгнув меня от руки преследовавших меня». Собственно, Иудифь благодаря своей хитрости избежала всякого преследования; поэтому здесь она или понимает то, что было возможно в ее положении, или просто представляет себя преследуемой постольку, поскольку принадлежала к народу, подвергавшемуся опасности истребления ассирийцами. И вся вообще хвалебная песнь Иудифи — надо заметить — представляет столько же исповедание личных ее радостных чувств, сколько — с другой стороны — и исповедание подобных же чувств применительно к каждому другому отдельному лицу и к целой олицетворенной общине иудейской. Это особенно ясно выступает в тех местах гимна Иудифи, где все лично к ней относящееся и не могущее быть приспособлено к другому лицу — ставится в форме 3-го лица, а не 1-го (ср. [XVI:2](#), [4](#), [11–13](#), [17](#) ст. с [5–10](#) ст. этой же главы).

3. Пришел Ассур с гор севера, пришел с мириадами войска своего, и множество их запрудило воду в источниках, и конница их покрыла холмы.

3. «Множество их запрудило воду в источниках, и конница их покрыла холмы» — поэтическая гипербола, к которым обычно любит прибегать живая фантазия восточных народов.

4. Он сказал, что пределы мои сожжет, юношей моих мечом истребит, грудных младенцев бросит о землю, малых детей моих отдаст на расхищение, дев моих пленит.

4. «Он сказал, что пределы мои сожжет» и т. д. Выражение Иудифи от лица всей олицетворенной земли или общины иудейской (мои, моих, моего — [12 ст.](#), моему — [13 ст.](#), мой — [17 ст.](#) и т. под.)

5. Но Господь Вседержитель низложил их рукою жены.

6. Не от юношей пал сильный их, не сыны титанов поразили его, и не рослые исполины налегли на него, но Иудифь, дочь Мерарии, красотою лица своего погубила его;

7. потому что она для возвышения бедствовавших в Израиле сняла с себя одежды вдовства своего, помазала лице свое благовонного мастью,

8. украсила волосы свои головным убором, надела для прельщения его льняную одежду.

9. Ее сандалии восхитили взор его, и красота ее пленила душу его; меч прошел по шее его.

10. Персы ужаснулись отваги ее, и Мидяне растерялись от смелости ее.

5–10. Приспосаблия песнь свою таким образом, чтобы каждый мог излить в ней свое личное чувство радости, Иудифь, приступая к упоминанию о своем подвиге, выражается о себе в 3-м лице.

«Персы ужаснулись отваги ее, и Мидяне растерялись от смелости ее». Персы и Мидяне указываются здесь как наиболее отважный и смелый народ, чтобы тем ярче обозначилась превосходная отвага и смелость Иудифи, приведшая в ужас и замешательство даже и такие народы.

11. Тогда воскликнули смиренные мои, — и они испугались; немощные мои, — и они пришли в смущение; возвысили голос свой, — и они обратились в бегство.

11–17. С 11-го стиха песнь принимает снова свой прежний олицетворенно-общий характер, удерживая его до конца (по 17 ст. включительно).

12. Сыновья молодых жен кололи их и, как детям беглых рабов, наносили им раны; они погибли от ополчения Господа моего.

12. «Сыновья молодых жен», т. е. особенно слабых, малосильных, и следовательно — сами слабые, юные, малосильные «кололи их», т. е. врагов, сделавшихся как бы то же «детьми беглых рабов», т. е. особенно робкими, малодушными, беспомощными, совершенно утратив всякую грозность и опасность для иудеев. То и другое служило к большему усугублению величия чуда Божественной помощи своему народу.

13. Воспою Господу моему песнь новую. Велик Ты, Господи, и славен, дивен силою и непобедим!

14. Да работает Тебе всякое создание Твое: ибо Ты сказал, — и совершилось; Ты послал Духа Твоего, — и устроилось, — и нет никого, кто противостал бы гласу Твоему.

14. «Сказал — и совершилось... послал Духа Твоего — и устроилось» — мысль, близко воспроизводящая стихи псалмов СIII:30 и СXLVIII:5.

15. Горы с водами подвижутся с оснований, и камни, как воск, растают от лица Твоего, но к боящимся Тебя Ты благомилостив.

16. Мала всякая жертва для воню благоухания, и всякий тук ничтожен для всежжения Тебе, но боящийся Господа всегда велик.

17. Горе народам, восстающим на род мой: Господь Вседержитель отмстит им в день суда, пошлет огонь и червей на их тела, — и они будут чувствовать боль и плакать вечно.

18. Когда пришли в Иерусалим, они поклонились Богу, и, когда народ очистился, вознесли всежжения свои и добротные жертвы свои и дары свои.

19. Иудифь же принесла все сосуды Олоферна, которые отдал ей народ, и занавес, который она взяла из спальни его, отдала в жертву Господу.

20. Народ веселился в Иерусалиме пред святилищем три месяца, и Иудифь пребывала с ними.

18–20. Торжества народа закончились путешествием в Иерусалим, где принесены были богатые благодарные жертвы Богу. Иудифь «отдала в жертву Господу» все ей доставшееся, вплоть до занавеса, взятого ею из спальни Олоферна, показывая этим, что все ее дело было делом Самого Правосудного Бога, для Которого она послужила лишь орудием.

Вместо «трех месяцев» торжеств народа в Иерусалиме сирский текст указывает лишь «один месяц».

21. Но после сих дней каждый возвратился в удел свой, а Иудифь отправилась в Ветилую, где оставалась в имени своем, и была в свое время славною во всей земле.

21. «Каждый возвратился в удел свой, а Иудифь отправилась в Ветилую». Иерусалимские

торжества были торжествами не одних ветилуйцев, а всего израильского народа ([XV:12–14](#) ст.), принимавшего деятельнейшее участие в преследовании и поражении врагов (ср. [XV:3–5](#) ст. и далее), врагов не одной Ветилуи, но и всего наследия Иеговы. Естественно, что на иерусалимские торжества отовсюду стекался народ, и нет ничего странного в том, если эти торжества затянулись на три месяца, возобновляемые новыми и новыми притоками народа. Естественно и то, что Иудифь все это время *«пребывала с ними»* в Иерусалиме, покорно подчиняясь понятному желанию всех видеть свою спасительницу, сделавшуюся, таким образом, *«славною во всей земле»*.

22. Многие желали ее, но мужчина не познал ее во все дни ее жизни с того дня, как муж ее Манассия умер и приложился к народу своему.

22. *«Многие желали ее»*, т. е. своей любовью, желали иметь своей супругой, добивались ее руки.

«Приложился к народу своему» — обычное библейское выражение для обозначения праведной кончины верных израильтян (ср. Быт XXV:8 др.).

23. Она приобрела великую славу и состарилась в доме мужа своего, прожив до ста пяти лет, и отпустила служанку свою на свободу. Она умерла в Ветилуе, и похоронили ее в пещере мужа ее Манассии.

24. Дом Израиля оплакивал ее семь дней. Имение же свое прежде смерти своей она разделила между родственниками Манассии, мужа своего, и между близкими из рода своего.

24. *«Оплакивал ее семь дней»* — обычное время траура по умершим (Быт L:10; 1 Цар XXXI:13; ср. Сир XXII:10).

25. И никто более не устрашал сынов Израиля во дни Иудифи и много дней по смерти ее.

25. Относящие историю Иудифи к позднему (маккавейскому) времени (особенно царствование Антиоха III), находя в этом стихе опровержение своей теории, думают разделиться очень просто: признают здесь или панегирическое, преувеличенное изображение

полного (хотя и неблагоприятного) благоденствия, доставленного Иудифью своему отечеству, или просто выражение надежды на продолжительный мир, или же, наконец, — позднейшее прибавление. Все это явная натяжка, теряющая всякую надобность в себе при допущении гораздо более естественного представления дела: что событие кн. Иудифь имело место в то самое время, указание на какое дается и в самой книге: а именно — вскоре после плена ([IV:3](#)), кого бы ни разумеет под именем «Навуходоносора Ассирийского».

В конце книги Иудифь Вульгата делает еще добавление об установлении иудеями нового праздника в память победы ее: «dies autem victoriae hujus festivitatis ab Hebraeis in numero sanctorum dierum accipitur et colitur a Judaeis ex illo tempore usque in praesentem diem». Отсутствие всяких подобных прибавок в греческих рукописях дает полное право видеть здесь произвольное прибавление или самого автора Вульгаты, или одного из переписчиков ее текста.

Магистр богословия, профессор архимандрит Иосиф.

Примечания

1. Вигуру. Руководство к чтению и изучению Библии, т. II, 1-я полов.

2. Быт XLIX:5 и д.: *«Симеон и Левий братья, орудия жестокости мечи их, проклят гнев их, ибо жестока, и ярость их, ибо свирепы!...»*